

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ

Легкий АН-2 мягко качает. Потом начинается болтанка, от которой слегка подташнивает. Самолет скрипит как несмазанная телега, и кажется, что он не выдержит перегрузок и вот-вот развалится. В иллюминатор, насколько хватает взгляда, видны горы, затянутые голубоватой дымкой. Иногда самолет проваливается вниз, у тебя захватывает дух — впечатление такое, будто он падает в глубокую бездонную яму. Но вот взгляд упирается в голубое небо с быстро пролетающими облаками — значит, пронесло.

«Никак не думал, что придется лететь к Дубовику. Даже в мыслях не было, что снова пойду на перегон, — глядя в иллюминатор, думал Антон Демин. — Дома вроде все решили и даже одобрили план полевых работ. Казалось бы, все рассчитали до мелочей — и вот тебе на: у Дубовика что-то не срослось, а меня как мальчика на побегушках бросили на прорыв...»

К Александру Дубовику у него было двойственное отношение. С одной стороны, он видел в нем сильного организатора, способного поднять и повести людей «на баррикады». Дубовик брался за решение, казалось бы, нерешаемых задач, и, к удивлению Антона, у него все получалось. С другой стороны, за преодолением этих проблем он забывал о главном — о том, чему

учился и ради чего оказался на Севере. Решая второстепенные задачи, Александр попусту растрчивал энергию и постепенно уходил от своей профессии.

— Работой надо заниматься в рабочее время, — видя чрезмерное рвение молодого геолога, говорил тот Антону. — За границей за такую инициативу тебя не погладили бы по головке. Сказали бы, что не справляешься со своей работой, а во внеурочное время расходуешь электроэнергию и другие ресурсы. Тем самым наносишь фирме ущерб. И наверняка выставили бы на улицу.

Призванием Дубовика было другое. Он был своим человеком в профкоме и парткоме, выступал на всех собраниях, заседал в каких-то комиссиях, о существовании которых Антон даже не подозревал. Эта сторона жизни Александра привлекала больше, чем однообразная рутинная работа с пробами, результатами анализов и составлением отчета. Родился бы он на пару десятилетий раньше, возможно, стал бы трибуном революции или каким-нибудь партийным деятелем.

— Антон, я тебя отправляю в Селенях, полетишь к Дубовику, — посмотрев на него оценивающе, сказал начальник полевого отряда Павел Семенович Стрельников. — Думаю, ты сам понимаешь: если Дубовика не поддержать, то лошадей пригонят только к концу полевого сезона. Ему сейчас несладко: один с двумя рабочими — и больше никого, а забот по горло. А впереди длинный переход по тайге.

В ту зиму, как обычно после поля, Антон Демин занимался камералкой — обработкой собранных материалов. Сдавал в лаборатории многочисленные пробы, обрабатывая полученные результаты и готовил их к очередному отчету, ответственным исполнителем которого был начальник его геологоразведочной партии Николай Петрович Блинов. К отчету шефа Антону нужно было составить и увязать разрезы к геологической карте, написать главу по статистике основных разностей пород и закончить с материалами по кристалломорфологии касситерита рудной зоны. Хотя работы был непочатый край, на душе было спокойно, дело быстро двигалось вперед. Главным стимулом, действовавшим на парня, было предстоящее поле, куда он рвался с нарастающим, как долгота дня, нетерпением. Два года назад, когда после университета Антон только пришел в эту экспедицию, о таком поле он мог только мечтать, как мечтали его однокурсники, оставшиеся на западе.

— Полетишь к Дубовику, — словно молнией ослепило парня.

В первый момент он растерялся, еще не до конца понимая, зачем его отправляют, а потом сразу дошло. Это значит, ему надо идти на перегон, гнать лошадей.

«А как же мои планы?..»

Какое-то мгновение он молча стоял перед Стрельниковым, будто переваривая услышанное, но быстро пришел в себя:

— До прихода Дубовика я хочу отработать «Оборонный». Налегке смотаюсь на недельку, проведу поиски и вернусь назад. Потом сходим с лошадьми, заберем пробы. А у Дубовика я только время потеряю.

На лице Стрельникова скользнуло что-то вроде улыбки, и Антон подумал, что его убедил. Значит, никуда он не поедет, а полетит вместе со всеми на вертолете.

— Вот и чудесно! — сказал начальник отряда.

Услышав то, что хотел услышать, Антон в душе засиял от радости, но в следующий момент настроение резко испортилось.

— «Оборонный» как раз по пути. Получишь с Дубовиком лошадей и зайдешь на свой «Оборонный». Двумя парами вы обойдете весь участок за несколько дней, и сразу привезешь свои пробы. Не надо будет мотаться взад-вперед. Видишь, как чудесно все складывается. И Сашку выручишь.

Неожиданно для себя Антон вспыхнул:

— О таких направлениях вообще-то надо предупреждать не накануне отъезда, а заранее!

— Никуда ты, паря, не денешься. Я же для тебя стараюсь: после перегона будешь летать, как ласточка, и лошадей себе подберешь. А то заладил одно и то же: «Я не готовился, я не готовился...» Если толком разобраться, что там готовиться? Все и так готово. Еще пару раз на перегон сходишь и, глядишь, Дубовика заткнешь за пояс.

— Хорошо, я пойду на перегон, — наконец выдал из себя Антон. — Дубовика действительно там несладко.

Самолет начал медленно снижаться, но неожиданно весь фюзеляж задрожал и закрипел. Антону показалось, что вот-вот отвалится крыло, и они камнем упадут вниз. Комок подкатил к горлу, на лбу выступила испарина. Он посмотрел на соседа и, не заметив признаков беспокойства, снова уставился в окно. Горы и река остались далеко позади, а под крылом самолета проплывала бескрайняя тайга. Местами поблескивали на солнце небольшие озера и бесчисленные заболоченные поляны, отличавшиеся яркой зеленью. Прямой лентой, соединяющейся с далеким морем, протянулась Северная трасса, которая служила главной артерией всего района. Она шла по горам и равнинам, через зыбкие болота и горные реки. Движение на трассе было ненапряженным, но она жила. Вот самолет догнал три длинных серебристых рефрижератора, сверху похожих на распластанных рыбин. Оставляя за собой серый шлейф пыли, они растянулись на всем прямом отрезке дороги.

Поселок показался неожиданно, точно вынырнул из темноты. Самолет сделал над ним разворот и пошел на посадку. Коснувшись полосы, вскоре остановился напротив одноэтажного здания аэровокзала. Потом открылась дверь, и с грохотом на землю упала лесенка. Молодой человек подхватил свой спальник и, забросив на плечо рюкзак и карабин, двинулся к выходу.

Густо оцетинившись кисточками иголок, распушились лиственницы. На тонких березках, теснившихся в скверике, лопнули набухшие почки, пошла в рост повсюду зеленевшая трава. От горевшего костра потянуло дымом.

«Хорошо-то как здесь! Наверное, даже теплее, чем в Северном. Вот тебе и полюс холода!»

В КОНТОРЕ СОВХОЗА «ЗАРЯ»

До поселка Антон добрался не скоро и уже успел его обойти, когда вдалеке мелькнула высокая фигура Дубовика, шедшего по центральной улице, застроенной одноэтажными деревянными домами. На нем были вылинявшая геологическая куртка и офицерские галифе, заправленные в болотные сапоги с подвернутыми голенищами. Голову покрывала яркая бело-красная лыжная шапочка с круглым помпоном сверху, непонятно как державшаяся на макушке. На одном плече болталась офицерская полевая сумка, на другом стволом вниз висел кавалерийский карабин. В этом одеянии он больше походил на партизанского командира, сошедшего со страниц книги легендарного Ковпака, чем на геолога.

— Саша! — позвал его Антон, но тот не услышал. Он крикнул громче. С недоумевающим видом Дубовик посмотрел по сторонам и наконец увидел Антона.

— Какие люди и без охраны! Ты как здесь оказался? — обнимая Антона, радостно воскликнул геолог. — Смотрю — знакомое лицо, но думаю, может, ошибся. Ан нет, ты собственной персоной!

Встрече Антон тоже обрадовался, Александра он не видел почти месяц. За это время тот заметно похудел, лицо загорело и заросло густой щетиной, которую еще нельзя было назвать нормальной бородой; тем не менее, даже такая, она сильно изменила его внешность, отчего он стал солидней.

— Ты что же так опустился, товарищ Дубовик? — пошутил Антон. — Не брешься, не моешься, ходишь по поселку с оружием. А между прочим, Александр Федорович, здесь живут мирные люди, которым это может не понравиться. Я тебя совсем не узнаю. При твоей-то аккуратности это просто невообразимо.

В ответ тот погрозил пальцем и, усмехнувшись, кивнул на Антона. Что, видно, означало: лучше посмотри, на кого ты сам похож. Вид у Антона тоже был далеко не парадный. Новый геологический костюм защитного цвета был так широк, что на нем болтался, как на вешалке. Это делало молодого человека похожим скорее на труженика сельских полей, чем на современного разведчика недр.

— Паша ничего не передавал?

— Как же, как же, конечно, передавал, — засуетился Антон. — Я чуть не забыл, вот записку отправил.

Пошарив в кармане, он вытащил сложенный листок бумаги. Быстро прочитав, Дубовик стал возмущаться.

— Шустрый какой! Его бы сюда, тогда бы знал, почему нынче лошади, а то... думает, что я мышей совсем не ловлю... В ближних табунах обученных лошадей нет, — говорил Дубовик. — А одни дикари нам не нужны. Но наши проблемы совхоз не волнуют, им своих хватает, а раз их кони, то они заказывают музыку. Кто же отдаст лучших коней? Ни за какие коврижки мы их не получим.

— Ну и контора! — вздохнул Антон. — Вроде такая продвинутая эта «Заря», а не могут найти десяток лошадей. Просто стыдоба!

— Если было бы так просто, ты бы нас уже не застал... Ну вот, пришли. Вон контора.

Дубовик показал на строгое зеленое здание, над которым развевался красный флаг. В кабинете за письменным столом сидел широколицый мужчина средних лет. Не глядя на вошедших, он поздоровался. Потом оторвался от бумаг и, сняв очки, внимательно посмотрел.

— Ага, кажись, геологи за лошадами пришли? Вижу, надоело без работы, шибко в поле спешите. Понимаю, понимаю, у нас тут маленько скучно для городских. — Говорил он довольно чисто, без характерного якутского акцента, какой был у многих. — Мы получили телеграмму из вашего геологического управления, просят помочь. Ну что же, обязательно поможем! Будут вам лошади, только еще немного подождите. А на меня не обижайтесь. Те кони, которых мы у вас забрали, на сенокосе нужны. Их Костя отдал без моего ведома, пожалел вас. Всем же нужно срочно — куда-то спешите, спешите. А лошадей у нас на всех нет, понимаете, нет!

Дубовик не выдержал и, подойдя вплотную к столу зоотехника, громко сказал:

— Как нет?! Вон целые табуны пасутся, а вы говорите — лошадей нет. — В его голосе прозвучала обида на начальника и весь совхоз в целом, который не смог им помочь и этим фактически срывает проведение полевых работ целой партии геологов. — Это что, не лошади?

— Лошади, конечно, я не спорю, — сказал тот, будто оправдываясь. — Только не те, которые вам нужны. Ребята, поймите меня правильно: вы, видите, не знаете, что в последние годы наше табунное коневодство специализируется на производстве мяса. Так сказать, мы производим жеребятину. Вот поэтому сократилась численность рабочих коней. Теперь вам понятно, в чем дело?

— Да, вроде кое-что прояснилось, — отступая от стола, кивнул Дубовик. — И что, вы ничего не можете сделать?

— Я же вам говорю — найдем лошадей. Кроме наших возьмете Тимофеевых. Они с геологами уже не раз ходили. Обученные...

— За ними мы как раз пришли, — не дослушав, резко сказал Дубовик.

Все лошади в новеньких недоуздках, отдающих желтым цветом в лучах солнца, стояли привязанными к городьбе. Лишь один светло-серый конь будто затерялся среди них. Он сиротливо жался к городьбе, при каждом шорохе нервно подергивая ушами.

— Ах, Шестерка! А о тебе мы забыли, — остановился возле него Костя. — Стоишь тут тихонько и помалкиваешь, только ушами стрижешь. — Он показал на цифру шесть, выстриженную в верхней части задней ноги. — Его так и зовут — Шестерка. Вообще он конь послушный и работает неплохо.

Дубовик засмеялся. В его понимании «шестеркой» называли продажных людей, «закладывавших» своих. Таких он никогда не любил и старался обходить их стороной.

— Ну ты, Костя, шутник! Шестерка, как меня учили в школе, — слово женского рода, значит, имя бабское, а этот, насколько я понимаю, конь.

— Ну и что? — несколько не удивился тот. — Я думаю, он на нас не в обиде. Какая коню разница, мужское у него имя или женское. В моем табуне три с лишним сотни лошадей — на всех нормальных имен не хватит. Вообще это очень хороший и крепкий конь, — повторил он, — почти как танковая броня. В связке передовиком ходит, геологов давно знает...

Шестерка стоял тихо, будто прислушивался к тому, что о нем говорят. Неожиданно его всего, от копыт до хвоста, начало трести мелкой дрожью. Костя протянул к нему руку, хотел успокоить, но разволновавшаяся лошадь резко дернулась и со всей силы боком шарахнулась о загородку загона. Та затрещала, но не сломалась. Шестерка уперся всеми четырьмя ногами, струной натянулась крепкая льняная веревка, он снова дернулся, но опять добротная городьба выдержала. Со стороны могло показаться, что он проверяет веревку и городьбу на прочность. Показав свою недюжинную силу и, по-видимому, убедившись в бессмысленности этого занятия, конь успокоился.

— Давно бы так, а то изображаешь тут из себя какого-то циркача. Я же знаю, что ты умный конь, — спокойно сказал Костя. Быстро справившись с недоуздкой, он облегченно вздохнул и подошел к Дубовику.

— Ну вот, теперь полный порядок, всех повязали. Немного погода покормите, и пусть стоят до утра. Сейчас им нужно выстояться, так быстрее поймут, что пора работать. Утром попробуйте спутать — и можете отпускать. Вообще приучать к путам их нужно с первого дня.

На следующее утро Дубовик спутал всех лошадей, а когда осталась одна пегая лошадка, позвал Антона.

— Теперь давай сам, я подержу. Не забыл, как узел вязать?

— Да вроде нет. В прошлом году я так наловчился, что могу даже ночью завязать.

Антон выбрал самые длинные путы и, размахивая ими, как веревкой, пошел к фигурному столбу-сэргэ, стоявшему прямо в центре небольшого загона-ловушки, к которому был привязан Элэмэс.

«Какой-то он трусоватый, дрожит, будто на морозе, — подойдя ближе, подумал он. — Не понимает, что ничего плохого я ему не сделаю. Надо как его успокоить?»

— Дружок, что ты трясешься? — сказал он вкрадчиво. — Я тебя спутаю и отпущу на свободу. После этого ходи себе на здоровье.

Слова парня на коня не подействовали, тот по-прежнему нервничал.

— Э-э, зачем ты машешь руками? — крикнул Дубовик, погрозив Антону пальцем. — Ты его испугаешь. К лошадям надо подходить как можно спокойней, они и так нас боятся.

Однако, несмотря на все старания Антона, Элэмэс ничего хорошего не ждал. Тяжело дыша и раздувая ноздри, заходил вокруг столба.

— Вот дикарь! — отступил в сторону парень. — Не хочет, чтобы я ему ноги связывал. А зря!

Дубовик про себя посмеялся, подумав, каким же надо быть ненормальным, чтобы добровольно потерять свободу.

— Антоша, он же не глупый, все понимает. Придется путать так. Давай я подержу, а ты потихоньку начинай. Подходи всегда с одной и той же стороны, — поучал его Александр. — Лучше всего с левой и несколько сзади, да так, чтобы лошадь тебя видела, а главное, чтобы не достала задней ногой, если вдруг решишь ударить. Спереди, прямо в лоб, тоже никогда не заходи — испугаешь.

Дубовик взял под уздцы дергавшегося Элэмэса и подтянул голову вплотную к столбу. Тот попытался вырваться, но, поняв, что ничего не получится, быстро успокоился.

— Давно бы так, — тихо сказал Дубовик. — Можешь смело начинать, теперь он никуда не денется.

Антон наклонился и полез под лошадь. Элэмэс будто этого ждал: резко дернув головой, вырвался и пошел по кругу. Антон не успел даже сообразить, что ему предпринять, как от сильного удара в голову отлетел назад. В глазах потемнело, тело стало ватыным.

Придя в себя, он медленно встал на колени, обхватил голову руками. Пальцы правой сразу стали липкими.

К нему подсочился Дубовик.

— Антон, как ты? — наклонился он к парню. — Потерпи немного, я в палатку. Сейчас...

Когда он подбежал с перевязочным пакетом, Антон стоял на коленях в той же позе, в какой его оставили, и, казалось, ни на что не реагировал.

— Это я виноват, прозевал. Прости! — сказал Дубовик.

— Что ты, я сам просчитался... — выдавил Антон, постепенно приходя в себя. — Долго копался. Не рассчитал длину...

В поселковую больницу Антон пошел один. Сначала он даже не хотел о ней слышать. Говорил, что ничего страшного не случилось, болячка сама заживет, однако никакие отговорки не помогли: Дубовик настоял.

Возле длинного дома с застекленной верандой, огороженного зеленым штакетником, Антон проходил не раз, но никогда не думал, что ему, здоровому и сильному, потребуется медицинская помощь.

В коридоре в нос ударил больничный запах. Перед ним был целый ряд дверей. Он растерянно посмотрел по сторонам.

Его окликнули:

— Молодой человек, вы кого ищете?

Антон повернулся. Сзади стояла высокая молодая женщина в распахнутом белом халате. Из-под белоснежной медицинской шапочки выбилась светлая прядка волос, свисавшая прямо на щеку.

Узнав, что Демину нужна справка, она пригласила его в кабинет. Здесь было светло. В окна весело заглядывало солнце. На подоконнике стояли цветы.

— Какую вам справку? — застегивая на ходу халат, остановилась она возле письменного стола. У нее были большие карие глаза, тонко подведенные брови и прямой носик.

Не отрывая глаз от женщины, Антон с трудом начал:

— Доктор, понимаете, меня начальник не допускает на перегон. Мне...

— Извините, что-то я вас не пойму. — Она улыбнулась, брови дернулись вверх. — Вы, какжется, геолог, будете у нас получать лошадей?

— Да, да, — неловко переминаясь с ноги на ногу, ответил Антон. — Уже получили. А как вы узнали, что я геолог?

— Интуиция. Чужие приезжают к нам не так часто, а своих я знаю.

Улыбка не сходила с лица врача, и от этого она казалась знакомой.

«Где же я ее видел? — мелькнула мысль у Антона. — Определенно мы где-то встречались. А может, она на кого-то похожа?»

— Так для чего вам справка? — спросила врач деловым тоном, и Антон невольно спустился с небес на землю.

— Понимаете, меня лошадь ударила по голове...

Доктор мгновенно преобразилась:

— Садитесь сюда и показывайте, что там. Почему же вы сразу не сказали? С такими вещами не шутят. Причем тут справка? У нас ЧП районного масштаба, а вы молчите.

Когда Антон снял шапочку, на бинтах, которыми была основательно перемотана голова, проступило пятно запекшейся крови.

— Сознание не теряли?

— Кажется, нет. Кроме боли я ничего не почувствовал. Да и та прошла довольно быстро. Осталась только обида на самого себя, что так долго копался и забыл об осторожности.

— Теперь обижайся не обижайся, а дело сделано. Сейчас обработаем рану и поставим противостолбнячный укол. К вашему счастью, удар пришелся по касательной. До свадьбы заживет. Только под лошадиное копыто голову больше не подставляйте. В следующий раз может так случиться, что я уже не помогу. — Она еще раз осмотрела перебинтованную голову, поправила завязки бинта.

— Шапочку лучше не надевайте, лишний раз рану тревожить не надо. Пойдемте, я провожу вас в палату.

СТАРИК ПО КЛИЧКЕ ОГОНЁР

Утром на стоянке геологов появился большой рыжий пес. Не добегая до костра, он остановился, бесцеремонно всех осмотрел и, ни на кого не обращая внимания, повертев по сторонам своей узкой мордой с живыми глазами, засеменял в кусты. Вскоре оттуда послышалось позвякивание пустых консервных банок.

— Нет, вы только посмотрите, какой наглец! — показал Дубовик на кусты. — Он как у себя дома. И откуда только тут взялся? Вроде раньше я его не видел. Сейчас, наверное, его хозяин появится?

Почти тотчас, так же неожиданно, как появилась собака, верхом на коне подъехал старик. Спешился, осторожно слез на землю и, привязав коня, подошел к костру.

— Здорово живешь, геологи!

Старик был высоким и худым. На его вытянутом скуластом лице темными бусинками выделялись глаза. На вид ему можно было дать лет семьдесят или больше, однако был он не по годам крепким. Без труда Дубовик признал в нем эвенка. Из-под вытертого пиджака у него выглядывала чистая белая рубашка. Залатанные на коленях светло-серые брюки заправлены в новенькие, сверкавшие на солнце черные резиновые сапоги.

— Шарик куда-то убежал, потерял собака. Должно быть, к вам прибился, — прошелся он взглядом по сторонам, потом оглядел всех снизу доверху, словно оценивая. — Шибко умный пес, однако старый стал, как мой конь.

Уважительно посмотрев на своего коня, старик присел к костру. Его конь стоял не шелохнувшись, опустив голову. Над ним вилась гудящая туча комаров, от которых он изредка отмахивался седым хвостом. В отличие от своего хозяина конь

был толстым и крупным. Его спину и зад покрывала красная в темную клеточку накидка-попона. Сшита она была из косматой шерстяной ткани, когда-то служившей покрывалом. На спине попону прижимало почерневшее и вытертое до глянца кожаное кавалерийское седло.

— Красивый, дед, у тебя конь! — поглядывая на него с видом человека, знающего в этом толк, потирал руки Дубовик. — Чем ты его кормишь? Вон какой он у тебя ладный. Совхозный?

— Э-э нет... моя лошадка, — важно ответил старик. — Шибко умный, как Шарик: сам дорога домой знает, нигде с ним не заблудишься. Такой больше нет ни у кого.

Дубовик закивал головой, приговаривая в такт старику:

— Хороший, дед, у тебя конь, хороший, не то что наши дикари!

— Хороший, хороший, сынок, — не уловив подвоха в его словах, также закивал головой старик, с важным видом поглядывая на собеседника.

— Накидка — от комаров, что ли?

— Не-а, — махнул рукой старик, — попона от паутов. Кусают, однако, шибко больно. — Он зажмурился и весь сморщился, видно, показывая, как больно оводы кусают его лошадь. — Лошадка надо жалеть, тогда она будет хорошо работать.

Старик тихонько подвинулся к брезенту, на котором сидели геологи.

— В нашем сапхозе лошади смиренные, хорошие лошадки. Таких больше нигде нет, только наш сапхоз...

«Ну да, — подумал про себя Антон, — чуть без головы меня не оставили, а он говорит — смиренный. Таких смиренных надо полгода приучать к человеку».

— Стас, належь, пожалуйста, бате чайку, — Александр подал одному из геологов свою белую кружку. — Видишь, человек с дороги... Небось, с самого утра на коне? — спрашивал он старика.

— Эге, — кивнул тот в ответ. — И до вечера буду ездить, и так каждый день. Такой работа у меня.

— Дед, бери что есть, не стесняйся, — показал Дубовик на брезент с едой, которую принес тоже Стас.

Старика долго уговаривать не пришлось.

— Чай сапсем хорошо! А в жару особенно, — добавил он с важным видом.

Он отпил полкружки и потянулся за сгущенкой. Перевернув банку вверх дном, поднес ее ко рту и стал дуть в небольшую дырку, пробитую ножом. Молоко через другую дырку тугой струей полилось в кружку. Не мигая, все уставились на старика. Когда чай поднялся до краев кружки, он поставил заметно полегчавшую банку сгущенки на место и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Хорошо живете, геологи, сапсем хорошо!

Думая о чем-то своем, он откусил печенья и молча принялся за чай.

— Вы чем занимаетесь? — из забытья вывел его Дубовик, тоже наливший себе чая. — Наверное, на пенсии?

— Пенсия?! Э-э, нет, какой пенсия? Я коневод работаю. Табун лошадка сапхоз пасу. Пенсия, пенсия... — видно, задетый за живое, недовольно бурчал старик. — Какой пенсия, работать надо.

— Я до сих пор вас не видел. Костю и Августа мы знаем, а про вас даже не слышали.

Старик не удивился и не обиделся. В его глазах мелькнула только хитринка.

— Э-э, сынок, я Сордонох ходил, дальний табун. Там мои лошадка. Костя и Август другой табун пасут. Зовут они меня Огонёр, за это я сапсем их не ругаю. Зачем держать обида, когда паспорт указан, сколько мне лет. Раньше ребята пасли мой лошадка, теперь у них свой табун. Я вчера поздно вечер приехал, хотел геолог посмотреть. Говорят, у них бирепка много, сумка вьючная есть на лошадка.

Чай он больше не пил и испытывающим взглядом смотрел на ребят, будто проверяя на прочность, — особенно на Дубовика, определив в нем старшего.

— Откуда там много, — стараясь не отвести глаз, сказал Дубовик. — Только на своих лошадей-то и есть. Лишнего, батя, нам не дают. Все на сто рядов посчитано.

— А мне на один связка лошадка дашь бирепка?

— Отец, у нас мало, только на своих лошадей, — повторил тот. — Поэтому ничего дать не могу. Иди проси в своем совхозе.

— Вай-вай, — неожиданно запричитал старик. — Нехорошо старый человек обижать, сапсем нехорошо. Наш сапхоз сапсем ничего получить нельзя: бирепка нет, седло нет, сумка нет, сыромятный ремень даже нет. Очень плохой снабжение, не то что геолог.

Обойдя разные склады, Дубовик знал, что геологию, действительно, снабжают лучше многих других отраслей народного хозяйства. Несмотря на трудности, он все-таки получил все, что было нужно для полевых работ. И теперь, в отличие от совхозных коневодов, его отряд был обеспечен всем необходимым.

— А ты, батя, сам подумай, — незаметно перешел он на «ты». — Мы тебе отдадим веревку и сумы, а у нас впереди еще весь полевой сезон. Что делать в тайге без веревки с лошадьми? Небось сам знаешь, что и говорить. В руках снаряжение не понесешь, да и проб будет немало, их тоже надо куда-то класть.

Старика это будто убедил. Он отвернулся к костру и заметно приуныл. Пламя лениво лизало подброшенные дрова, отклонилось в сторону и задело сапоги, но этого он даже не заметил.

«Ну вот, деда обидели. Дубовик веревку пожалел, — сердито подумал Антон, глядя на изменившегося в лице старика. — Дал бы уж немного, не обеднели бы. Глядишь, дед вспоминал бы добрым словом. А то вон как расстроился».

Ребята приуныли. Первым не выдержал Роман, молчавший во время этого разговора:

— Саша, у нас же остались обрезки от вьючек, может, их отдадим?

Тот промолчал. Отхлебнув глоток чая, поставил кружку.

— Конечно, что-нибудь дадим! Какой может быть разговор, — поглядывая на Дубовика, заговорил Антон. — Видите, ради этого человек даже приехал с дальнего стада. От куска веревки мы не обеднеем.

Во время перепалки старик молчал, но было видно, что к разговору он прислушивается. На его морщинистом лице, почерневшем от солнца и ветра, выступил пот. Он посмотрел вверх. По бледно-голубому небу плыли белые облака и, скрываясь за лесом, терялись из виду. Дунул легкий ветерок, дым от костра лизнул старика. Он невольно отстранился и прикрыл глаза.

«Жарко как, дышать нечем! Так же было далеко отсюда под Борисоглебском, когда я лежал в госпитале. Думал, что больше своих не увижу, на лошадь никогда не сяду, а вот видишь, как получилось, — будто обращаясь к собеседнику, подумал он. — Доктора спасли. Вай, как было страшно! Однако все обошлось: две операции сделали и даже чужую кровь влили. И вот после этого я поднялся. Выписали — и снова воевать. Вот ведь какая судьба! — комок, застрявший где-то в груди, прошел. Сразу полегчало. — Да, давно такого лета не было. Если жара постоит еще неделю, трава высохнет на корню, начнет гореть тайга, могут пропасть лучшие пастбища. Однако надо возвращаться, как бы с табуном чего не случилось. Веревку, я вижу, геологи не дадут: у самих мало. А вообще-то в прошлые годы все, кто получал наших лошадей, были побогаче. Один раз даже седло подарили...»

С поляны прилетел порыв теплого ветра, сизым дымом накрыло ребят.

— Саша, ты как будто в поле никогда не ходил, — вытирая рукой выступив-

шие на глазах слезы, наседа на него Антон. — Надо помочь деду. А вдруг у тебя в тайге что-нибудь случится, и тебе вот так же откажут. Сам знаешь, как выкарабкаться без посторонней помощи. Дед много не просит.

Дубовику стало жарко, резко прошибло потом. Он расстегнул до пояса рубашку и, не выдержав, сказал:

— Мужики, мне не жалко. Я же вам говорю — посмотрим. Вначале надо разобраться с тем, что имеем, а потом отдавать. Если останется, то на одну связку, конечно, найдем. А вот конские сумы у нас под расчет. Наши снабженцы умеют считать. Не думай, лишнего не дадут. Да и вообще надо что-то и про запас иметь...

В кустах зашелестело, и показалась рыжая собака, облизываясь на ходу. Старик обернулся, увидел пса, позвал. Тот завялил хвостом, как-то весь заюлил, подбежал к деду и мордой ткнулся в лицо.

— Шарик, сколько я тебя учу — нельзя так, — сказал тот совсем не строго, будто не ругал, а хвалил. — Соскучился, что ли? — Шарик виновато опустил изодранные в драках уши, поджал хвост. — Вот, однако, хитрый какой! — покачал старик головой, ласково поглаживая собаку. — Он, оказывается, давно здесь! Умный он у меня, шибко умный. Вот, геологи, какой у меня собака: табун караулит, белка лает, соболь гоняет, сохатый держит, да и медведь сапсем не боится. Однако старый. Плохо видеть стал, слышит сапсем чуть-чуть. Жалко его, однако скоро буду менять. Есть у меня один сапсем молодой щенок, тоже Шарик зовут. — Блеснув глазами, он хитро посмотрел на Дубовика и, обращаясь только к нему, сказал:

— Сашка, я вижу, у тебя, однако, нет собаки. Шибко плохо в тайге без помощник. Собака нет — глаза нет. Спать будешь, медведь придет, скушать может. Лошадка уйдет, искать надо. Без собака, однако, шибко плохо, — покачал он головой. — Возьми мой щенок. Спасибо скажешь. Только осенью придешь с тайги, верни назад. Летом в деревня собака шибко глупый становится. В тайгу надо.

Посматривая на Шарика и думая, как бы отказать старику, чтобы не обидеть, Александр спокойно сказал:

— Собака нам, конечно, нужна, только взрослая, а твой щенок, как я понял, немного больше кошки. Что с ним будем делать, на руках носить?

— Э-э, нет. Какой кошка?! Собака. Зачем собака на руках носить? Сам побегит, у него ноги есть. Сашка, ну я приведу, — сказал он бодро — как о давно решенном.

— Ладно уж, приводи, а мы подыщем тебе веревку.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Целый день Антона не покидали мысли о докторе.

«Почему я не узнал ее имени? — который раз корил он себя за эту оплошность. — Может, вечером она придет в клуб?»

После фильма, когда включили свет, Антон действительно увидел знакомую молодую женщину. Она сидела одна. Заметив геолога, поинтересовалась его здоровьем и пошла к выходу. Демин двинулся следом.

— Вам же в другую сторону, — спохватилась она, когда они прилично отошли от клуба. — Дальше я пойду сама. Поселок у нас маленький — все на виду, поэтому уже завтра злые языки будут болтать всякие небылицы. Скажут: наша врачиха приворожила геолога. И люди поверят! Вот каково мне, скажите?

Она замолчала, стало слышно звонкое гудение комаров, круживших в воздухе. Так, молча, они прошли до конца прямой улицы и повернули к больнице.

— Мы с вами не познакомились. Меня зовут Антон. А вас?

— Таня, Татьяна, — сказала она не сразу, будто раздумывала, говорить или отшутиться. — А в больнице меня зовут Татьяной Михайловной.

— Красиво у вас имя.

— Самое обычное. Как у пушкинской Лариной, о которой мы все узнали еще в школе. Кстати, мальчишки меня даже звали Татьяной Лариной.

Прямо на глазах солнце спряталось за гору, высветив небо багрянцем. Жар летнего дня спадал, но еще было очень тепло.

— Таня, как вы тут живете? Нелегко, наверное, одной среди местного населения?

— Да вроде ничего особенного: живем, хлеб жуем, — сказала она в рифму. — Поначалу, правда, были определенные трудности...

Говорить на эту тему она не стала и на полуслове замолчала. Разговор не получался, наступило гнетущее молчание и, чтобы не дать потухнуть только что разгоревшемуся огню, он спросил первое, что пришло в голову:

— Но тут, наверное, скучно?

— Не сказала бы, — сразу ответила Татьяна, будто ожидавшая этого вопроса. — Лично мне некогда скучать. Забот хватает. А вообще, я думаю, что люди везде живут одинаково, можно сказать, по давно сложившейся схеме: дом, работа, магазины, иногда ходят в кино, театр или просто в гости. То есть у каждого свои дела, радости, заботы, ну и, конечно, какие-то проблемы. Хватило и мне самых разных проблем, — добавила она и, как после бега, тяжело вздохнула. — Была даже экзотика. Никогда не думала, что деревянный дом можно защитить от мороза снегом. И не просто засыпать его доверху, а сделать ледяным. На самом деле все очень просто: в корыто наливают воду, замешивают со снегом и этой кашей обмазывают стены. На морозе мокрый снег сразу схватывается и, как штукатурка, закупоривает все щели, через которые проникает холод. Сама испытала. После такой обработки дом великолепно держит тепло. Могу и вас научить. Хотите?

— Может быть, — неопределенно ответил Антон, понимая, что летом ничего из этого не получится.

— Правда, сейчас нет снега, — словно угадав его мысли, грустно улыбнулась Татьяна. — А вот зимой я бы вам показала, как надо... А еще здесь приходится постоянно топить печку, а для этого нужны дрова, очень много дров. Их надо заготовить, расколоть, сложить в поленницу. Еще нужна питьевая вода. Летом ее привозят, а на зиму заготавливают лед. И таких проблем хоть отбавляй — тут же не город.

Антон подумал, что пришлось ей тут нелегко. Мысленно он представил себя на ее месте, и на душе стало тоскливо.

— Вы же здесь одна русская?

— Ну что вы! Тут есть и украинцы, и киргизы, и буряты, а в основном, конечно, якуты и эвенки, но мы друг друга хорошо понимаем и живем в мире и согласии. Можно сказать, дорогу никто никому не переходит.

— Знаете, Таня, — осмелев, сказал Антон, — я очень хотел вас увидеть, и сейчас так счастлив, что вы рядом.

Внимательно посмотрев на него, она тихо спросила:

— Вы, наверное, здесь впервые?

Он кивнул головой и следом выпалил:

— И, возможно, никогда бы сюда не попал, если бы не этот перевал! Так что можно сказать, в Селеняхе я оказался по воле случая: из-за лошадей, естественно. Если бы не они, я бы вас не встретил... Видите, как все хорошо получилось!

— Кстати, мой дедушка был горным инженером, — вдруг сказала Таня — как о чем-то важном. — Он даже руководил прииском, на котором добывали цветной металл. Какой именно, я сказать не могу, но точно знаю, что не золото. А на Север дедушка попал еще в конце тридцатых, после окончания института. Когда началась война с фашистами, он был в отпуске и уже собирался уезжать назад, а тут

выступлению Наркома иностранных дел по радио с сообщением о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Он сразу в военкомат, а оттуда — на фронт. Вы даже не представляете: как у квалифицированного специалиста предприятия, представлявшего стратегическую важность в условиях военного времени, у него была бронь. То есть он был освобожден от призыва на военную службу в действующую армию, — пояснила она. — Однако, несмотря на это, дед пошел добровольцем. Говорил, что без него гитлеровцев не одолеть.

Навстречу прошли две женщины-якутки, одетые в легкие цветастые платья. Голову одной покрывала яркая косынка. Женщины как по команде поздоровались и, оглядываясь, пошли дальше.

— Ну вот, завтра все будет говорить, что я по ночам гуляю и привожу домой мужчин, — посмотрела Татьяна на Антона, улыбнувшись впервые за весь вечер. — А впрочем — пусть говорят, ведь всем рот не закроешь тряпочкой.

Незаметно они подошли к больнице.

— Вот мы и пришли, — остановилась она у калитки. — Тут я живу.

Девушка показала вглубь двора, где рядом со зданием больницы стоял небольшой, слегка покосившийся домик. Наличники и рамы двух смотревших на них окон были покрашены белой краской и из-за этого резко выделялись на фоне потемневшего дерева. Как понял Антон, именно этот дом Татьяна имела в виду, когда говорила о местной технологии утепления деревянных зданий.

— Мне пора. Спасибо, что проводили.

— Давайте еще немного постоим, — встрепенулся Антон, не желая ее отпускать. — Ну хоть чуть-чуть, прошу вас.

Девушка нехотя согласилась. Они зашли во двор и сели на скамейку. В этот момент Антон вдруг понял, что, кажется, влюбился, и теперь никого дороже этой девушки уже нет для него. Именно ее он искал всю свою жизнь и теперь ни за что с ней не расстанется.

— Вы представляете, а я не хотел сюда ехать и наотрез отказывался, но, как видите, не получилось. — Он покачал головой, всем своим видом показывая, насколько тяжело было отбояриться от начальника. — Зато теперь я благодарен счастливому случаю. Значит, это судьба!

Татьяна вдруг вспомнила бывшего мужа. Она не стала рассказывать о его предательстве: ей не нужны были жалость и сочувствие. Она хотела, чтобы ее любили. Слишком много ей пришлось пережить. Нелегко далась независимость, но что она ей принесла, кроме одиночества?

«Это уже в прошлом... Нужно жить сегодняшним. Вон какими глазами Антон на меня смотрит, будто никогда женщину не видел. Вообще он молод еще, найдет себе молоденькую красавицу. А может, зря я записываю себя в старухи, — мелькнуло в голове. — На меня многие заглядываются, значит, рано на себе крест ставить. Да и Алешке нужен отец, он все время меня просит...»

Вдруг Татьяна посмотрела на часы и, спохватившись, встала.

— Простите, Антон, мне завтра утром на работу, да и вас, наверно, уже ищут. Спокойной ночи!

ПРИРУЧЕНИЕ ДИКАРЕЙ

После первого знакомства лошадей стали приучать к вьючным седлам, на которых те должны были нести снаряжение для геологов и овес для себя. Седла были собраны на прочном железном каркасе, скрепленном наверху двумя стальными дугами. К каркасу с обеих сторон по всей длине прикручивались скругленные по краям деревянные планки. На них специально нашитыми карманами надевались подушки, служившие для предохранения лошадиных боков от потертостей вью-

ками. Сверху подушки были обшиты толстой кожей коричневого цвета, снизу на них были закреплены войлочные потники.

Первое седло надели на Атару. Почувствовав на своей спине что-то тяжелое, конь передернулся всем телом, демонстрируя явное недовольство и показывая, как ему это не нравится. Однако, потоптавшись на месте, вскоре успокоился и дал затянуть подпруги.

— Молодец, с тобой мы найдем общий язык, — Антон погладил коня по шее и потрепал гриву. — Таких бы нам побольше, не знали бы проблем. А я хотел от тебя отказаться, думал, что ты совсем изработанный, даже перегон не выдержишь, а ты, оказывается, еще ничего, молодым дашь фору. Теперь постой, посмотри, как мы будем справляться с твоими братьями.

На Серого седло надевал Роман. Этот конь, отличавшийся, по словам коневодов, сговорчивым характером, при виде сбруи стал волноваться. На длинной веревке он метался из стороны в сторону, не давая приблизиться к себе и на расстояние вытянутой руки. Когда веревку подтянули ближе к изгороди, дело пошло быстрее.

Больше всех пришлось повозиться с Тойоном. Он стоял у городьбы, спокойно поглядывая по сторонам, но как только Дубовик положил на его спину тяжелое седло и, придерживая, потянулся за подпругой, тот резко подбросил зад. Седло со всего маху шлепнулось на землю потниками вверх и раскрылось, как книга.

— Ну, друг... — громко заругался Александр, — нам здесь не до шуток. Роман, поддержи, пожалуйста, — наклоняясь за седлом, крикнул он рабочему. — Сейчас мы посмотрим, как на тебе сидит снаряжение. С вьючным седлом ты будешь просто неотразим.

Однако и во второй, и в третий раз повторилось все в той же последовательности. Конь не хотел, чтобы его седлали, поэтому шел на любые уловки.

— Вы только на него посмотрите, — громко возмущался геолог, выплескивая накопившееся недовольство, — он совсем обнаглел! Ему, видите ли, не нравится это седло. Если будешь продолжать в том же духе, ты его разобьешь, а это тебе не какое-то дерьмо, которое можно пинать, а довольно дорогое снаряжение, без которого нам с тобой не обойтись. Запасных седел здесь нет. Так что, уважаемый наш Тойон, нечего метать икру, успокойся — и давай будем по-хорошему.

Но конь ни на что не реагировал и, несмотря на прилагаемые усилия, по-прежнему не давался. Дубовик суетился, размахивал руками и обещал серьезно заняться его воспитанием.

— Может, он не знает, что это вьючное седло, и думает, будто мы его загружаем, заставляем работать? — сказал Роман. — Ему надо как-то это объяснить, чтобы понял.

Александр засмеялся и, хватаясь за живот, оперся о городьбу. Роман не мог сообразить, что смешного он сказал, и в душе заволновался, однако скоро все стало на свои места.

— Ну да, этот старый мерин никогда не видел седла, с детства его не приучили. Да он же верховой! Понимаешь, он всю жизнь только под седлом и ходил! В том-то и беда, что он лучше нас знает, что это такое. Работать он не хочет — вот в чем дело. Изображает тут из себя недотрогу. Хочет нас купить за рубль двадцать, а ты принял за чистую монету... Нет, Тойон, ничего у тебя не получится, ты шутишь с огнем. — Он помахал ему пальцем, призывая взяться за ум. — Все равно наденем на тебя седло, но тебя придется-таки проучить. Я тебя накажу.

— Может, надо позвать коневодов? — усмехаясь, с ехидцей в голосе сказал Стас, крутившийся рядом с начальником. — Я вижу, нам его не одолеть, вон какой буйвол! Он нас всех раскидает.

Дубовик сказал, что у мужиков своих проблем хватает, а с этим другом он поговорит еще раз.

Однако никакие уговоры не помогли. Конь словно осатанел: куражился, прыгал и пытался укусить, не давая к себе даже близко приблизиться. Геологи решили пойти на хитрость. Антон и Стас должны были прижать его к городьбе, а Александр с Романом в это время набросить сверху седло. Чтобы не копать под конем, ремень подпруги удлинили веревкой. Когда Тойон стоял под стенкой, Роман залез на изгородь и поднял седло над его спиной, а как только Александр завел веревку в пряжку ремня, опустил. Тяжелое вьючное седло легло ровно на спину коня. Дубовик тотчас затянул одну подпругу. Сообразив, что его провели, конь угрожающе зафыркал и диким зверем кинулся в сторону. Тойон прыгал, дергался из стороны в сторону, но седло не падало. От негодования он со всей силы ударился об изгородь, потом завалился на спину и, поднимая пыль, стал кататься по земле. Поняв, что в этот раз от седла не отделаться, конь встал.

— Давно бы так! — торжествовал геолог. — А то, ишь... устраиваешь нам бесплатные концерты. Тут и без тебя артистов хватает, уже целый ансамбль! Есть и танцоры, и солисты. Короче, всякой твари по паре.

Вскоре все лошади стояли под седлами, и геологи собрались у выхода из загона.

— Вы, наверно, не знаете, что это за лошади? — сказал Дубовик. — Якутская лошадь — это самая северная в мире порода. Ее ценность в том, что она спокойно выдерживает местные морозы. Даже когда на улице за минус шестьдесят и все живое старается куда-то укрыться, эта невысокая лошадка, так же, как северный олень, копытит корм из-под снега. Представляете, даже при толщине снежного покрова в полметра она умудряется добывать еду. Кроме того, течение дня она может нести на себе вьюк весом в сто килограммов. Уму непостижимо, целый день! Для нас это главное: на себе много не потащишь. Только за это геологи и путешественники должны поставить ей памятник...

В ГОСТЯХ

Весь вечер накануне перегона Антон гулял с Татьяной. Они и не заметили, как поднялись на самую вершину здешней горы. Отсюда открывался вид на огромную Селеняхскую впадину, в которой лежал поселок, и можно было рассмотреть каждый дом.

— Я здесь первый раз! — восхищалась Татьяна. — Если бы не вы, Антон, я бы сюда никогда не пошла. А, оказывается, так интересно. Это вы ходите по тайге, видите то, что недоступно простому смертному, а я в основном сижу на одном месте. Иногда выезжаю за пределы поселка или санрейсом летаю по дальним стадам.

У Антона на сердце было легко.

«Какое счастье, что рядом есть человек, который тебе нравится. Вот так бы и прошагал с Татьяной по жизни. Главное, чтобы она согласилась».

Когда они вернулись в поселок, солнце спряталось за гору, но по-прежнему было светло. О том, что заканчивается день, напоминали только розовые отблески, разбросанные по слегка потемневшему небу. Они остановились у порога Татьяниного дома, а потом прошли внутрь. Дом разделяла деревянная перегородка, оклеенная светлыми обоями. Посередине стояла деревенская печь, которую, по-видимому, недавно побелили. На стене висели детские рисунки и вышитый на белом полотне букет полевых ромашек и васильков.

— Не стойте в дверях, проходите, пожалуйста, — из-за перегородки послышался голос Татьяны. — Я мигом. Только чай поставлю.

Не успел Антон осмотреться, как на плитке уже стоял белый эмалированный чайник, а хозяйка хлопотала возле стола.

— Свообразные работы и острый взгляд у этого юного художника. Кто это,

интересно, рисунок? — спросил Антон, особенно внимательно рассматривая рисунок, на котором охотники на лошадях догоняли оленей.

— Алешка, мой сын. Вы его не застали. На днях я его отправила на материк к бабушке с дедушкой. Знакомые в отпуск поехали — взяли его с собой. У меня отпуск только на будущий год, — пояснила она. — Не хотела отпускать, да мама упростила, она его встретит в Москве. В каждом письме родители писали, чтобы я им внука привезла. Вот я и не выдержала: пусть, думаю, погрееется на солнце и купается в речке. Отпустила, а теперь жалею — скучно без него. Он у меня уже большой, через два года пойдет в школу.

За печкой послышался звук прыгающей крышки и шипение воды, выбежавшей из чайника.

— Все, пьем чай с брусничным вареньем! — донесся оттуда голос Татьяны. — Антон, садитесь за стол.

Свежезаваренный чай обжигал. Антон пил маленькими глотками, наблюдая за Татьяной. К чаю она не притронулась, хотя рядом с ней стояла такая же чашка с блюдцем. Было видно, что она о чем-то задумалась.

— Вы знаете, когда я разошлась с мужем, решила уехать, — нарушив молчание, начала она. На мгновение Татьяна внимательно посмотрела на Антона, вероятно, желая понять, какое впечатление произвели на него ее слова. Но увидев, что тот внимательно слушает, продолжила: — А куда ехать? Посмотрела на карту и выбрала Якутию, вспомнив, что там работал мой дедушка. Я вам о нем уже говорила, — напомнила она. — Вот так я и оказалась здесь.

Антон взлохотанно отодвинул чашку:

— Выходит, если бы не дедушка, вы бы сюда не попали, и мы бы не встретились?

— Возможно, хотя я об этом никогда не задумывалась. Не о встрече с вами, конечно, — поспешно добавила она. — Своего деда я никогда не видела, но, по словам бабушки, знаю, что он был личностью, а на таких людей невольно равняешься. К сожалению, о нем известно немного. В 1953 году он пропал без вести. Как говорят: был человек и не стало. Мама рассказывала, что бабушка его долго разыскивала. А потом в их доме появился отчим, и бабушка, видно, успокоилась. Своего отца моя мама почти не знает, вспоминает только какие-то отдельные эпизоды из жизни. Вроде того, как он приехал в отпуск и привез кучу подарков, как они ходили в парк, а потом фотографировались в фотоателье, как папа носил ее на руках и все приговаривал: «Анечка, ты у меня умница, ты самая красивая, слушайся маму». Ничего удивительного: при такой жизни, когда отец годами не бывает дома, можно забыть, как он выглядел.

— Вот такая работа у горняков и геологов, — тяжело вздохнув, вставил Антон. — А в те годы работа на Севере даже у вольнонаемных была что каторга. Повсюду лагеря, заключенные...

— В первые дни войны дедушка, конечно, попал в самое пекло, — сказала Татьяна. — Главное, что уцелел, но его уже ранили. В госпитале он познакомился с молодой медсестрой, она стала его женой. Недолго продолжалось их счастье: после выздоровления дедушку снова отправили на фронт. Война закончилась, и он уехал в Якутию. Бабушка говорила, что у него было много наград. И даже орден Трудового Красного Знамени. Но больше всего он дорожил каким-то значком. Странно, не правда ли? — повела плечами Татьяна. — Интересно, что же это за значок? Может, он золотой?

— Не думаю, — отозвался Антон. — Скорее всего, что-то вроде «Ударника коммунистического труда» или «Победителя соцсоревнования». А может, какой-нибудь ведомственный. Вы же знаете, в каждой отрасли есть свои награды, которые вручают за достигнутые успехи в труде.

Татьяна сказала, что никакого ордена она не видела:

— Возможно, бабушка спрятала. Хотя вряд ли, мама знала бы об этом. Ну, если не она, так дядя Коля точно бы сказал. Он военный и старше мамы на четыре года. Майор Симонов. Он переживал, наверное, больше всех, когда узнал, что я развелась с мужем и уехала с сыном в Якутию. Он мне постоянно пишет, беспокоится о своей любимой племяшке, как он меня называет, и ждет, когда же я возьмусь за ум. До сих пор считает, что поступила опрометчиво. Но у меня на этот счет другое мнение. Я уверена, что правильно сделала, — Татьяна грустно улыбнулась.

Антон давно забыл про чай и, подперев голову руками, сидел не шелохнувшись.

— После развода я сильно переживала и хотела уехать хоть на Северный полюс, да только туда не продают билетов.

Она вздохнула и, подняв голову, посмотрела на Антона. Возможно, искала поддержки, а может, хотела посмотреть на его реакцию. Демин в душе порадовался за Татьяну. Было приятно сознавать, что она такая сильная и решительная. Значит, он в ней не ошибся.

— Ой, что это на меня нашло, сама не знаю! — увидев серьезное выражение его лица, засуетилась она. — Наверное, уморила я вас своими баснями? Простите... Уже поздно, вам нужно идти... — смутилась Татьяна. — Завтра утром вы не встанете, и ваши лошади разбегутся. Голова-то как, не болит?

— Да я о ней уже совсем забыл.

— А вот это плохо — голову терять не надо. Ну все, Антон. Seriously, вам уже надо идти. А то ваши коллеги пойдут вас искать, в деревне всех поднимут на ноги...

— Ты не беспокойся, дорогу я знаю, не заблужусь.

— Я не шучу, тебе, правда, пора.

Она даже не заметила, как они перешли на «ты», и продолжала его выпроваживать, хотя в душе все протестовало: хотелось, чтобы он остался.

Антон обнял Татьяну, внимательно посмотрев в глаза, и поцеловал. Невольно она хотела оттолкнуть его, но, ощутив тепло, исходившее от Антона, замерла. В этот момент для нее существовал только он один. Ничего подобного она не испытывала. Эти ласка и нежность перевернули ей всю душу.

— Я тебя люблю, — зашептал на ухо Антон. — Как только увидел, сразу полюбил. Понимаешь, люблю тебя, люблю! Без тебя я больше не смогу, ты мне нужна.

— Болтунишка, — вздрогнув всем телом, сквозь слезы отозвалась Татьяна. — Ты третий раз меня видишь, а уже в любви объясняешься.

— Я тебя люблю, милая, ты будешь только моей, — осыпал он ее поцелуями. Губы девушки были солеными, по ее лицу текли слезы. — Жди меня после поля...

В ДОЛИНЕ ИНДИГИРКИ

Всех завьюченных лошадей собрали в четыре короткие связки. При этом связки составили так, что один конец веревки привязали к шее передовика, а второй пришелся на шею следующей. Чтобы веревка не попадала под ноги, ее пропустили в кольца на вьючном седле, пришитые сбоку, и тем же якутским узлом, каким их путали, еще привязали за хвост.

Провожать геологов вызвались опытные коневоды Костя и Август. Они точно рассчитали время выхода и подъехали, когда Дубовик смотрел карту.

— Ну что, похоже маленько? — спрыгнув с коня, подскочил к нему Костя и заглянул в планшет.

— Похоже, похоже. Только не все показано — карта мелковата, — пояснил он коневоду. — Но координаты, основные элементы рельефа и главные привязки вынесены.

— Карта — это, конечно, хорошо, только здесь она тебе не поможет. Видишь,

какая широкая долина Индигирки? — показав перед собой, глубокомысленно заключил коневод. — И по ходу ни одной горки, откуда можно было бы осмотреться, — кругом тайга да болото. Тут надо знать тропы. Нет, Саша, вам одним отсюда не выбраться. Плутать будете, время потеряете. До основной тропы мы вас доведем, а дальше пойдете сами. Там уже можно вытаскивать карту, а сейчас спрячь.

— Я не против, — отозвался Дубовик, принимая предложение коневодов как подарок судьбы, но карту не убрал. — Тут и правда можно заблудиться.

— По-хорошему, дней за семь-восемь до Курунг-Юряха, может, дойдете, — сказал Костя. — Где-то там за отрогами хребта Тас-Хая пасется один наш табун, а дальше я не был. Вон Огонёр в тех местах когда-то охотился, — кивнул он на стоявшего рядом старика, которого по-настоящему звали Иван Васильевич, — так он, кажется, дней за пять верхами добирался.

— Да, было дело, — оживился старик. — Раньше много раз ходил, а сейчас, однако, дорога сапсем забыл, шибко старый стал. — Он как-то тяжело вздохнул, точно сожалея о тех давно прошедших днях своей молодости: — Главное, через Снежный перевал подняться и вниз спуститься. Шибко высоко там, а за перевал много-много камни навалены, да такой острый, как нож. Осторожно ходи, чтобы не разбиться. А места там богатые! Зверя много и, как я говорил, медведей, однако, полно, а еще большой-большой тарын там есть. Наледь, по-русски. Скоро сам увидишь. Его отец бывал там тоже, — показал он на Августа. — Хороший коневод, охотился удачно...

— Вот видите, это совсем рядом, — удовлетворенно хмыкал Костя. — Че там, каких-то двести километров. Разве это расстояние для геологов? Вон какие у тебя орлы!

К обеду солнце поднялось высоко, и теперь ничего не напоминало об утреннем тумане. Стало невыносимо жарко. Короткое якутское лето вступило в самую активную фазу, когда днем температура воздуха переваливает за тридцать, а ночью опускается до десяти-пятнадцати. Перегонщики с лошадьми змейкой вытянулись по тропе. Впереди шел Костя с Шариком. Он вел своего коня за узду. За ним следовали Дубовик с Романом и Стас. Шествие замыкал Август, ехавший верхом на гнедом вплотную за идущим Антоном.

С самого начала Антону не везло. Не успели отойти от загона, как забренчала печка на привьюке у Элэмэса, который был в его связке вторым. Тот как будто этого ждал и, словно по команде, остановился. Сразу задергался, стараясь побыстрее избавиться от неприятного груза. От резких рывков печка загремела и запрыгала еще сильнее. Элэмэс в испуге резко рванулся, потащив всю связку в сторону. Через пару метров дверка открылась и оттуда посыпались трубы, а потом слетела и сама печка. Когда седло с сумами съехало под живот, перепуганный конь остановился.

Антон стал его перевьючивать. Чтобы трубы не гремели, натолкал внутрь печки травы, плотно закрыл дверку и снова взгромоздил на седло. После этого Элэмэс успокоился, но не прошло и часа, как начались мучения с Шестеркой. Только Антон затынет подпруги, как седло снова сползает набок.

— Что за наваждение?! Прямо заколдованный круг, — ругался Антон. — Все идут себе спокойно и никаких проблем, а тут останавливайся поминутно.

Выручил подъехавший Август, успевший сгонять к знакомым сенокосчикам, стоявшим где-то в стороне от тропы.

— Затяни потуже подпруги. Видишь, ремни совсем свободные, болтаются, как на вешалке, — не слезая с коня, показал он вниз. — Между ними крокодил пролезет.

Антон обеими руками ухватился за подпругу и повис, как на канате. Чуть скользнув по пряжке, ремень снова вернулся на прежнее место.

— Нет, дорогой, этого мало, — заулыбался коневод, — тянуть нужно сильней, даже очень сильно. Ты огляди, какое у него брюхо! Он же хитрый, как лис, тебя обманывает, а ты ему веришь. Когда ты натягиваешь подпруги, он надувает живот и становится толстым, как буржуй, поэтому ты не можешь затянуть нормально. Я покажу, как надо.

Август спешил к Шестерке. Так же, как Антон, обеими руками он потянул за ремень, но сделал это резко; одновременно коленом ударил под живот. Конь от неожиданности охнул, издав звук лопнувшего резинового шара. Живот заметно уменьшился в объеме, и ремень проскочил на три дырки ниже.

— Вот теперь нормально, но я подтяну еще на две дырки. Это чтобы ты не хитрил. Смотри мне, — пригрозил он Шестерке. — Нас на бобах не проведешь, а то ишь какой умник нашелся! Думаешь, мы ничего не видим. Нет, этот номер у тебя не прокатит, сейчас будешь пахать как миленький.

Больше седло не сползло. Но теперь — видно, в отместку — Шестерка упирался пуще прежнего, задерживая всю связку, и поэтому даже Хромой, шедший последним, при случае догонял передовика.

Проводив геологов, коневоды повернули назад. Полуденная жара спала. Дул легкий ветерок, раздувавший осоку, свежо пахло лютыми травами, к которым примешивался запах лошадиного пота.

«И куда мы так прем?! — с раздражением думал Стас. — Пора бы уже передохнуть, целый день на ногах, а мы все идем и идем, как проклятые. Если бы не эти паршивые лошаки, тогда куда бы ни шло. Этот Кеша просто достал!»

В связке Стаса Кеша стоял последним, и парень проклинал его про себя достаточно крепкими словами: «Вот скотина безмозглая! Тянет назад, хоть ты тресни! С ним сюсюкаешься, как с маленьким, а он ничего не понимает. Развели тут, видишь ли, телячьи нежности!.. Видите ли, боятся лошадь ударить. Для Дубовика эти дикари вроде священных коров. Заладил, как попугай: “якутская лошадь, якутская лошадь”. Тоже мне, невидал! Возле моего дома такие же лохматые чудовища всю зиму шныряли по помойкам. Корм, видишь ли, они копытят из-под снега. Да не покорми их день-другой — от голода загнутся».

Стас зло выругался. Пройдя немного, в мыслях вернулся к тому же. Так, разбираясь со своими подопечными, парень не заметил, как натер ногу, а когда почувствовал — было поздно: нога ныла при каждом шаге, не давая идти. Эту ноющую боль он ощущал всем телом, но остановиться и перемотать портянку не решился — боялся показаться хлюпиком в глазах геологов.

— Ты что хромаешь? — заметив, что тот припадает на одну ногу, догнал его Антон. — Ногу натер? Снимай сапог, я посмотрю...

На пятке парня Антон увидел большую водянистую мозоль, готовую вот-вот лопнуть.

— Как же ты шел? Неужели не чувствовал? У тебя портянка съехала, надо было сразу перемотать. Стасик, так ты останешься без ног, а их надо беречь.

Тот промямлил что-то не вполне вразумительное и стал наматывать новенькую, но уже всю смятую, будто изжеванную, портянку, выкроенную из голубой фланелевой пеленки. Портянка сморщилась гармошкой, а на большом пальце превратилась в какой-то мешок, который долго мусолили в руках.

— О, да ты, парень, оказывается, не умеешь портянки наматывать! — удивился Антон. — Что же ты молчал? Давно бы тебя научили. Разворачивай! Я покажу, как это делается. Смотри и запоминай! Если не научишься, будешь мучиться весь перегон.

Портянка, намотанная Антоном, легла ровно, туго облекая ногу. Большой палец заканчивался вершиной конуса, а на пятке не было ни одной складки.

— Теперь попробуй сам.

От напряжения парень запыхтел, как паровоз, но намотать, как показал Антон, не смог. Только с третьего раза получилось что-то более-менее похожее. С перемотанными портянками идти стало легче, но стертая нога по-прежнему ныла.

«Вот не повезло! — сокрушался Стас. — Надо было надеть носки. Послушал начальника. Много он знает, тоже мне, грамотей! Придем — я выброшу эти паршивые тряпки».

Весь следующий день парень шел, точно побитый, постоянно отставал и оттягивал Антона, замыкавшего группу перегона. Тело казалось чужим, стертая пятка опухла, а на бинте появились кровавые подтеки.

«Только бы не развилась гангрена, только бы не гангрена», — как заклинание, твердил он одно и то же. Но вскоре либо смирился с болью, либо забыл о своих опасениях.

А Романа измотал Маган, так же, как Кеша, шедший последним. Временами, насколько хватало короткой веревки, он отскакивал в сторону от впереди идущего Сокола и, как тяжелым тараном, сумой сбивал едва державшиеся погоревшие и подгнившие деревья. После такого удара связка моментально останавливалась, и Романа будто пружиной отбрасывало назад.

«Хорошая встряска после вчерашнего», — поднимаясь в очередной раз с земли, ругался парень. Отдышавшись, он двинулся до следующего дерева, которое выбирал конь. Несколько раз сбитые макушки пролетали над головой и с треском падали под ноги. Сколько Роман ни внушал коню, что сухостой не надо «бомбить», Маган по-прежнему испытывал его терпение.

Незаметно гарь кончилась, начался редкий лиственничный лес, высоко забравшийся на пологий склон холма, по которому шла довольно широкая нартовая тропа, спрямлявшая путь по берегу петлявшей реки.

«Дело к вечеру, а солнце еще высоко, правда, уже не печет, как днем, но и закатываться не собирается. Странное чувство: ждешь темноту — а она не приходит», — вздохнул Роман.

С начала перехода он шел в пилотке, сделанной из газеты, однако от пота бумага быстро раскисла, и он ее выбросил. Открытую голову скоро так напекло, что к концу дня звенело в ушах, а он едва держался на ногах. Вместе с нарастающей болью пропал интерес ко всему окружающему.

«Упасть бы где-нибудь в тени и пролежать до утра», — червем точила мозг навязчивая мысль.

До боли стиснув зубы, Роман терпел.

Давно уже вышли из долины Индигирки, повернули назад коневоды, а Дубовик все вел отряд вперед.

«И куда он гонит? — так же, как Стас, думал Роман. — Может, негде остановиться или не прошли того, что задумали? А вообще — раз идем, значит, так надо, Дубовик знает свое дело. Он командир...»

Вдруг страшная боль сдавила виски, голова снова стала ватной.

«Только бы дойти. Дойти, дойти...»

Когда достигли очередной стоянки, у него едва хватило сил, чтобы привязать лошадей. Сделав шаг в сторону, он повалился набок.

— Обычный солнечный удар, — приводя его в чувство, заключил подоспевший Дубовик. — Я же вам говорил, — назидательно поучал он геологов, — что голову нужно закрыть. Вы же не дети: должны знать, что на Севере летом пригревает не хуже, чем на Южном берегу Крыма. Кстати, сегодня днем было не меньше тридцати.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ СТАРИКА

Когда утром стали собирать лагерь, подошел Иван Васильевич. Следом за стариком, часто перебирая лапами, семеня шаг за шагом. Был он огненно-рыжий с черным, точно пришитым носиком, стоячими ушками и белым пятном на шее. Из-за этого передника щенок казался игрушечным, будто только пришедшим из магазина.

— Ну вот, Сашка, мой Шарик. Забирай!

Услышав свое имя, щенок беззаботно закрутился под ногами старика. Потом подбежал к большому Шарику и полез к его банке, которую тот старательно вылизывал. Пес, оскалившись, угрожающе зарычал. Щенок в нерешительности остановился. Обиженно посмотрел на большую собаку, снова вернулся к старику.

— Иван Васильевич, так он же еще маленький! Куда нам такой?! Я же тебе говорил, что нам нужен пес побольше. А это что?..

На лице старика все время светилась какая-то загадочная улыбка. Сообразив, о чем говорит Дубовик, он сразу переменялся в лице, сгорбился, стал ниже ростом.

— Вай-вай, я думал, мы договорились, — будто оправдываясь, сказал дед. — Это очень хороший собака, я не обманываю. Не совсем он маленький: по собачьим меркам — подросток. А скоро вырастет, будет большой пес. Вот увидишь...

Некоторое время он молчал, по-видимому, обдумывая сложившуюся обстановку. Машинально снял клетчатую кепку и стал нервно постукивать о колено. Порывом налетевшего ветра вмиг растрепало редкие седые волосы.

— Ты не пожалейшь, забирай, пока отдаю, — добавил он без надежды на успех.

Дубовик посмотрел на старика, и в нем будто что-то проснулось: стало его жалко. Перед глазами встала мама. Подумалось, а если с ней кто-то так же будет разговаривать, откажет в незначительной просьбе.

— Ладно, Иван Васильевич, мы берем твоего щенка, — сказал он неожиданно для себя. — Будем надеяться, что он быстро подрастет. Спасибо.

Будто по команде, ветер стих, вокруг установилась тишина. Старик радостно улынулся.

— Хорошо, начальник, сапсем хорошо, он толковый будет пес. Вот увидишь, ты не пожалейшь, — затараторил старик. Шарик будто понял, что в этот момент решила его судьба, подошел к Дубовику, стал тереться у его ног. — Сашка, я вам карасики привез, возьми на дорожку, — вытаскивал старик рыбу из рюкзака. — Моя видит, ты продуктов мало взял, а путь не близкий да больно опасный. Медведь рано встал и много набедакурил. Зверь шибко голодный. Один бандит приходил даже в деревня, корова задрал. Когда растерзал, хозяин стрелял, однако промазал. Шустрый такой был, ушел. А в соседней деревня не досчитался хромой лошадка. Хоть хромой, все равно жалко — столько мяса пропал. Еще один медведь напугал в тайге. Мой старый знакомый говорит: здоровый был, как слон. Может, Петька обманул маленько, однако ему повезло — вовремя заметил и тихо-тихо так ушел. Ветер дул от медведь, из-за этого тот не учуял, — пояснил дед. — А так не видать бы больше Петра Петровича, задрал бы зверь.

В душе Александр посмеялся над дедом, пытавшимся, как он считал, напугать, но, чтобы старика не обидеть, сказал как можно мягче:

— Батя, может, возле вашей деревни ходит один и тот же медведь, а вы все всполошились: «Медведей много, берегитесь, чтобы не задрал», — кричите на каждом углу.

— Что ты, что ты! — замахал руками Иван Васильевич, — Василий-медвежатник обманывать не будет. Зачем паника зря поднимать. Про медведь он знает все

и, если так сказал, значит, надо верить. Особенно медведь много в горах и на Курунг-Юрях, куда ты идешь. Там всегда он водится. Поэтому будь осторожен, смотри следы. На стоянка лошадка далеко от себя не отпускай. Лучше держи на привязи, корми овсом. У тебя, я вижу, его много.

«Каждый год с медведями встречаюсь, и, слава Богу, все обходилось, — усмехнулся про себя Дубовик. — И сейчас должно быть все нормально. Прорвемся!»

— А еще... — старик на короткое время замолчал и, не договорив, начал сначала. — Не хочу пугать тебя, Сашка, а то скажешь, Иван Васильевич обманул шибко. Я не для обмана говорю, а чтобы ты не спал в дорога. За всем наблюдай, если что-то подозрительный увидел, осмотрись. Как говорил мой командир, на рожон не лезь. Так вот, Сашка, из городской тюрьма сбежал настоящий бандит, Тимохой зовут. Шибко сильно набедакурил он. Слышал, много-много людей обидел. Будто в охрана лагеря даже он был. Когда снег еще лежал, люди его видел в деревня, потом исчез он, сапсем пропал. Куда пошел, никто сказать не может. В тот же время потерялся два лошадка сопхозный. Дома у один человек стоял в ограде и вдруг пропал. Долго их искали, нет нигде, люди сказал, волк съел, однако следов никто не нашел. Так не бывает. Если волк на животный напал, на падаль ворон прилетит, медведь придет, а там никого: ворон не летал, медведь не ходил. Значит, волк не съел. А куда делся, никто не знает, как будто сквозь земля провалился. Я знаю, где тот бандит, — неожиданно заявил старик и даже как-то оживился. — В тайгу подался. Прохор Винокуров, отец этого Тимохи, раньше охотился Курунг-Юрях. Там остался его зимовье. Когда я был молодой, туда тоже ходил на охота, однако не знаю, где Прохоро зимовье. Просил Прохора показать, однако он не захотел. Сказал, что свой «резиденция» никого не приглашает, потому что его дом — его крепость. Бандит, видать, скрывается в том отцовом зимовье. Был бы где-то рядом, кто-нибудь увидел, а то сапсем исчез. Значит, ушел с двумя лошадка туда, где не найдут. С ним, Сашка, лучше не встречаться.

— Ну что же, я приму к сведению, спасибо. — Дубовик протянул ему руку. Тот от неожиданности сначала растерялся, а потом ответил крепким рукопожатием. — Нас вообще-то много, мы сможем за себя постоять.

Старик ничего не ответил, но как-то загадочно усмехнулся. Дубовик это понял так: свой долг я, мол, выполнил — предупредил геологов, теперь моя совесть чиста.

— Сейчас большой вода Курунг-Юрях, — вспомнил вдруг тот. — Надо ждать, когда он упадет. В бурный река не ходи, опасно. Там много людей утонул. А теперь прощай. Желаю легкой дорога и живой здоровый вернуться назад.

Он говорил — и, казалось, излучал какое-то невидимое тепло, которое согревает и дарит надежду на удачу.

— Благодарю за доброе напутствие и предостережения. Большой воды мы не боимся. В нашу резинку хоть полтонны грузи — не потонет.

«Ребята молодые, а укатались почище моего, — снова вспомнил Дубовик о вчерашнем переходе. — Что ни говори, Костя задал высокий темп, стартанул прямо с места в карьер. В первый день нужно было втянуться, а он так рванул, как бегает за своими дикарями — вот и результат... А Тунгуса-то, видать, уделали основательно. Я думал, что конь притворяется, а он, бедолага, с самого начала еле ноги волочил. Чуть не упал на переходе. Хорошо, что вовремя спохватились и раскидали его вьюк по другим — а то бы скопытился. Потом, думаю, отойдет, но на это надо время. Теперь весь перегон пойдет с легкими спальниками. А такая была сильная коняга!.. Как я просмотрел! Ну, мужики! Вас самих надо было выдрать, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнили, как издеваться над животными. Роман — так тот вроде еще ничего, а Стас точно живодер какой-то. Мое внушение для него как зайцу стоп-сигнал. Смотрит на тебя и улыбается, а что у парня на душе — не поймешь».

Только вышли из болота, как попали в гарь. Вокруг было тихо, и казалось, что тут никогда не шумел вековой лес, не пели птицы, не жили звери, а всегда было это мертвое царство. Протянув свою связку до продуваемого места, Дубовик остановился.

«Ого, как отстали! Надо будет сказать, чтобы предупреждали, когда останавливаются. Так недолго потерять друг друга».

Неожиданно его связка дернулась, сзади раздался глухой удар.

— Тойон, ты что... балуешься? — матюгнувшись, повернулся он к коню. — Вижу, тебе не нравятся эти вьючные ящики. Что поделаешь, мне тоже в этой жизни кое-что не по душе, но я несу свою ношу. Так что не дури! Раз тебе доверили — значит, работай. Ничего снимать не буду.

«Лучше бы я отдал их Ивану Васильевичу, — мелькнуло в голове, — все равно в эти вьючники ничего хорошего не положишь. Сроду их не брал, а тут бес попутал. И вот результат!»

Перед самым выходом на Тойона загрузили два тяжелых ящика, которые повесили на прочные крюки вьючного седла. Ящики были сделаны из толстой фанеры, покрашенной темно-зеленой краской. Кажущуюся недоступность им придавали большие навесные замки, болтавшиеся под крышечкой, и металлические уголки, которыми они были окантованы по краям. От объемного груза здоровенный Тойон стал в два раза толще.

— Хороший сундук, но на вьюк, однако, не пойдет, тропа узкий — весь лес повалишь, — рассматривая вьючный ящик, рассуждал старик. — Его на нарту надо ставить. Отдай лучше мне. Я на охота возьму.

Тойону эти вьючники сразу не пришлись по душе. Ни с того ни с сего он стал прыгать на месте, высоко подбрасывая зад. Ящики затряслись — все в них загремело и загрохотало, будто слон прошелся по посудной лавке.

— Ты что делаешь?! — подскочил к нему Дубовик, пытаясь схватить коня за повод. Тот шархнул в сторону, углом вьючника задел высокую лиственницу. Что-то во вьючнике хрустнуло, потом, как после пронесшегося шторма, все стихло, наступила тишина. Тойон как ни в чем не бывало остановился, невинно поглядывая по сторонам.

— Вот паразит! Ты радиостанцию угробишь! Нет, дорогой, так дело не пойдет, — разбирался он с лошадей, поправляя съехавший в сторону ящик. — Надо же, ты как бомбовоз — все берешь на таран. Тебя только в телегу запрягать, а не в связку ставить.

Подошли ребята, и тайга наполнилась молодыми голосами.

— Че, перекуриваем? — бросив своих лошадей, обрадовался Стас. — Давно пора, а то от такой ходьбы загнуться можно. У меня уже отваливаются ноги.

Было видно, что он устал, лицо покрылось каплями пота, на спине виднелось темное пятно.

— Долго тянетесь, — назидательно сказал Дубовик. — Если отстааете, надо предупреждать: кричите или свистите. Мне без разницы, главное, чтобы я знал, что с вами. По возможности надо помогать друг другу, а не стоять, сложа руки. Тогда не придется долго ждать.

— Да у меня лошади не идут, — смахнув рукавом пот, заныл Стас. — Зверье какое-то! А этот ирод проклятый, — замахнулся он на своего передовика, — совсем оборзел. Ну и конь же мне достался!

Переставив лошадей в связке Стаса, геологи двинулись дальше. Гарь растянулась на много километров. Пожар, по-видимому, прошел не меньше десятка лет назад. По гари идти стало легче: ноги не проваливались в болотистой почве; зато, обходя поваленные стволы, приходилось петлять. Безжизненные деревья от времени покосились, а многие, не выдержав на грузки, упали на землю.

Снизу доверху Дубовик был выпачкан древесным углем, белели только зубы. Такими же чумазыми были и остальные. Но ни бурелом, ни таежные ручьи и речки, ни крутые сопки не могли остановить геологов, и они упорно шли вперед.

На голой ветке, в стороне от проходившего каравана, стучал большой черный дятел, в разные стороны летели щепки. Издалека он походил на ворона, и только красная голова выдавала в нем дятла.

— Какой красавец! — непроизвольно вырвалось у Романа. — Я такого еще не видел.

— Это желна, довольно редкая птица, — пояснил Дубовик. — Таких надо еще поискать. В этих местах в основном обитают серые дятлы, которых мы видели повсюду.

Черный дятел иногда отрывался от своего занятия и не то от полной удовлетворенности, не то кого-то подзывая громко кричал «пи-пи-пи-и». Потом перебирался выше по стволу, и стук раздавался с новой силой. Вдруг, будто чего-то испугавшись, дятел по-вороньи закричал и, сорвавшись, полетел. Залавав на весь горельник, за ним бросился Шарик.

ТАБУН ДИКARЕЙ

Когда солнце было в зените, геологи перевалили отрог хребта Тас-Хая, как назвал его Костя, и попали в широкую долину реки Тарын. После Индигирки и горных ручьев Тарын казался спокойным, больше напоминала равнинную речку, рассекающую необъятные поля где-нибудь в Подмосковье или в Поволжье.

Когда перегонщики перешли реку, перед ними, сколько хватало глаз, открылась выжженная долина. Зрелище было жутким: старая трава и молодые ростки сгорели до самых корней. От этого даже земля стала буровато-серой, словно посыпанной вулканическим пеплом. Налетавший ветер раздувал золу, и она носилась, как песок по мертвой пустыне.

— Вот так неожиданность! — воскликнул Александр. — Снова гарь, и какая! Может, это мираж?

Он остановился и осмотрелся. Гарь не исчезала. Черным полем она протянулась прямо от реки к приблизившимся синим горам.

Дубовик медленно пошел дальше. Будто почувствовал его настроение, притихли лошади. Понуро опустив головы и недовольно пофыркивая, они тихо брели по поднимавшейся черной пыли. Неожиданно они заволновались и, как по команде замотав головами, захрапели. Дубовик посмотрел по сторонам. Вокруг все так же безмолвно лежало выжженное поле. Только вдаль висело какое-то непонятное серое облако, закрывшее весь горизонт. Облако росло и бесформенной массой расплзлось в стороны, двигаясь навстречу каравану. Волнение лошадей передалось Дубовику.

«Неужели там еще горит? Но тогда бы пахло дымом, да и все окрестности затянуло бы на многие километры, а тут как будто смерч идет. И движется прямо на нас. Ох, не принесло бы чего!»

Он подставил лицо налетевшему потоку воздуха. Ветерок освежал, легко трепал волосы на голове. Александр успокоился, подумав, что смерч им не страшен. Но лошади по-прежнему были напряжены. Вскоре они заволновались еще сильнее и, как по команде, данной кем-то сверху, тревожно заржали.

— Саша, что с ними? — наперебой спрашивали подошедшие ребята. — Смотри, места себе не находят. Почему они так беспокоятся, может, медведя учуяли?

Только присмотревшись, Дубовик наконец сообразил, что надвигающееся черное облако — это пыль, поднятая табуном лошадей. Одичавших животных, словно вихрем, несло прямо на них. Дикари неудержимо приближались, и впечатление

было такое, что их уже нельзя остановить. Они смегут все, что попадется на пути, растопчут до основания. Вот из безликой серой тучи стали вырисовываться очертания одной лошади, бежавшей на корпус впереди табуна. Это был вожак. Он, как огромная серая птица, летел по широкой степи, рассекая мощной грудью воздух.

Связка Дубовика резко остановилась. За ней встали другие. Ржание лошадей теперь стало похожим на вопли отчаяния. От этого дикого, раздирающего уши крика и неудержимо надвигавшейся лавины стало жутко. Стас весь задрожал и судорожно вцепился в повод. Роман с Антоном вплотную подошли к Дубовику, будто готовились к круговой обороне. Когда табун был рядом, Дубовик словно проснулся от долгой спячки, схватил карабин и выстрелил вверх. Из ствола вырвалась пламя, вслед за ним громыхнуло по всей долине. Выстрел эхом отозвался в горах, вернулся назад и громом ударил по широкой степи. Лошади замедлили бег, но не остановились. Задние напирали на передних, и табун, как скорый поезд, неудержимо неся вперед. Какие-то десятки метров отделяли его от геологов. Под ногами несущихся дикарей дрожала земля. Все взгляды были прикованы к вожаку. На его лоснящейся груди перекатывались мышцы, черная грива парусом развевалась по ветру. В каждом движении лошади чувствовалась неукротимая мощь, направленная на то, чтобы смести чужаков, пришедших во владения его табуна. Казалось, никакая сила не в состоянии остановить несущейся табун дикарей.

Дубовик передернул затвор, прицелился и снова выстрелил.

Пуля в жоака не попала, но, видно, просвистела над самой головой. Конь замедлил бег и перед геологами резко повернул в сторону. Табун устремился за ним. Черная пыль накрыла все пространство плотным покрывалом, как во время грозы: небо опустилось на землю, померкло солнце.

Первым пришел в себя Роман.

— Вот... дикари! Они же могли нас растоптать. Почему их одних отпускают? Куда только смотрят пастухи?

Он матюгнулся и, видно, вышел из шокового состояния, заговорил уже спокойней.

— А ты, Саша, молодец, вовремя выстрелил. Еще немного — и нам бы всем конец. Здорово ты их пуганул! А вожак как подскочил, видели?! Проучил ты его. А наши-то лошадки напугались даже больше нас. Вон, посмотрите на них, даже здоровенный Тойон — и тот трясется. Это он только с нами такой смелый и сильный.

Ребята оглянулись, но первое, что увидели, — это был трясущийся Стас. Его колотило, как в лихорадке. Он громко клацал зубами, издавая звуки, похожие на удары ложки по дну железной миски. Заметив, что на него смотрят, парень на секунду замер, пытаясь справиться с охватившей его тряской, но его снова заколотило.

— Ты чего, — резко толкнул его Роман, — больной, что ли, или притворяешься?

От неожиданного толчка Стас упал, но — странное дело: трести его сразу перестало.

— Я тебя сейчас так толкну!.. — встав с земли, шагнул он к Роману. — Чего руки распускаешь? Думаешь, я не могу. Да я сейчас...

— Но-но, успокойся! — невольно отступив на шаг, сказал тот. — Вы только посмотрите на него! Я его, можно сказать, вылечил от лихорадки страха, а он вместо благодарности еще на меня бросается.

Шок у Стаса прошел, он резко остановился. Теперь парень стоял напротив Романа, вытирая с лица пыль.

— Сам ты больной, — выдал он из себя, вдруг осознав, что все самое страшное уже позади. — Это у меня озноб...

Не обращая на него внимания, Роман подкатился к Дубовику:

— Саша, а если бы ты вожака подстрелил, куда бы мы дели столько мяса? Оно, наверное, несъедобное, конь-то небось старый и потом воняет.

— Съедобное... — уважительно посматривая на свой карабин, заговорил Дубовик. — Такие обжоры, как вы, съели бы его за милую душу и сказали б — мало! Вон Стасу надо много мяса, он же говорит, что ему еды не хватает. Этих лошадей, может, для того и держат. Теперь в совхозе, видишь ли, мясное направление — или, как говорит главный зоотехник, «специализация». Их и без нас скоро всех порешат. Это, наверное, и есть тот самый табун, о котором говорил Костя. Вообще-то раньше мне казалось, что якутские лошади не пасутся такими огромными табунами. А ты почему не стрелял? — окончательно придя в себя, спросил он Антона, по-прежнему молча стоявшего рядом.

Будто ничего не произошло, Демин спокойно смотрел по сторонам. Только сейчас он вспомнил, что у него также, как у коллеги, есть карабин, который тоже можно было направить на дикарей, угрожавших их жизни.

— Да просто забыл, — признался он честно. — В тот момент все вылетело из головы. К тому же карабин у меня к седлу привязан, я все равно бы не успел. Хотя...

Непроизвольно он сделал шаг в сторону своего передовика, у которого был его карабин. Дубовик удивленно посмотрел на парня и с горечью покачал головой:

— Ну ты даешь!.. Карабин к седлу привязал и идешь себе, как по проспекту. Где же ты такое видел? Таких умников, как ты, медведи очень любят. К твоему сведению, огнестрельное оружие нам дали не для маскарада, а для отпугивания хищных зверей — вот и используй его по назначению. Может, уже надоело или очень тяжело?

БЕГЕМОТ В БОЛОТЕ

Земля отдавала влагу. Мелкая и крупная роса ожерельями лежала на лохматых ветках лиственниц, на высокой траве и сочном зеленом мху. Сквозь густой туман пробилось запоздавшее утро. Солнце пригревало, появились просветы, и вскоре оно само долгожданно выглянуло. Стало сухо. О дожде теперь напоминал только ручей. Он бурлил и клокотал, подмывая коренные берега, и, не одолев враз, все равно точил, точил, раздвигая их вширь и вглубь.

Только проснувшись, Александр выскочил из палатки и, не увидев Романа, спросил о нем у готовившего завтрак Антона.

— Вон там он, — показал тот на видневшуюся вдали белую лошадь. — Битый час сидит, Магана приучает, а ты его забрал себе. Рома, видно, и впрямь собрался на парад.

Дубовик про себя усмехнулся и тихо пошел туда, куда показал Антон. Подойдя ближе, он увидел необычную картину. На поляне среди кочкарника стоял Маган, а прямо перед ним на открытой суме сидел Роман. Он что-то говорил лошади, и та, будто понимая, изредка кивала головой.

«Интересно, о чем это он с ним так мило беседует? — подумал Александр, сразу забыв о вечерней размолвке. — Ну просто семейная идиллия! Вот ведь как бывает: со мной работали разные ребята — и городские, и деревенские, но никто к лошадям так не относился, как Рома. Мужики на лошадей смотрели как на рабочую скотину — соответственно, и обращались так же. Те отвечали взаимностью. А Роман лошадей никогда близко не видел, но нашел к ним подход. Наверняка он разобрался бы и с теми, которых я заменил. Значит, у парня доброе сердце — лошадь не проведешь, она как ребенок чувствует человека. Вон как Маган к нему привязался! Сам бежит на всех стоянках, просто тянется. После сегодняшнего перехода верну его назад, пусть идет в своей связке».

Время от времени Роман вытаскивал из сумы горсть овса. Лошадь, словно выражая свою радость, фыркала, беря губами лакомство с ладони. Постояв, Дубовик кашлянул. Маган дернулся, овес посыпался на землю.

— А я, Рома, тебя потерял, — подошел к нему Александр. — Если бы не Антон, не нашел бы. Ну что, привыкает? — погладил он Магана.

Лошадь потопталась на месте и отвела голову в сторону. Мол, что ты нам мешаешь, мы тебя не приглашали.

— Да так, потихоньку. Главное, что уже не шарахается, как черт от ладана, а сейчас даже спокойно стоит.

— Ну ты уж не скромничай! Я вижу, он у тебя почти ручной. Скоро можно будет ставить под седло. Думаю, он должен пойти. Если все получится, осенью вернем обьеженным. Вот удивим Августа! Скажет: «Такого я еще не видел, чтобы геологи сами приручили дикаря».

На лице парня появилась улыбка. Наверно, он представил себя верхом на Магане и удивленных коневодов, ревниво смотревших на своего коня.

Из леса принесло нежный запах меда. От налетевшего порыва ветра он усилился. Александр непроизвольно направился вперед и остановился на опушке. Медовый аромат исходил от розовато-белых цветочков брусники, облепивших кусты с зелеными листочками.

— Вот бы прийти сюда осенью за ягодами! Их тут будет немерено. Только, увы, придется довольствоваться теми, что рядом с домом.

После завтрака свернули лагерь.

Почти вплотную за Антоном тянулся Стас. С самого утра он был не в духе. Из головы не выходили продукты. От мысли, что их может не хватить, становилось не по себе.

«Неужели и сегодня будем идти весь день? — думал он, ступая по разбитой прошедшими лошадьми грязной жиже. — Может, все-таки пораньше станем на прикол? Ну хотя бы на часок! Зато сколько энергии сэкономим, а она еще пригодится. Зачем попусту ее растрчивать?»

Ноги проваливались до колена, поэтому пришлось поднять голенища болотников. От этого идти стало еще трудней. Резинки плотно обтягивали бедра, и казалось, что теперь не страшно никакое болото. Но первое впечатление было обманчивым: кое-где жижа доходила до самого верха голяшек, и, чтобы не зачерпнуть в сапог, приходилось ступать осторожно.

«От таких переходов можно загнаться. Это Ромке все смешно, а мне не до веселья — как засосет в этом паршивом болоте, рта не успеешь открыть. Однако надо нажать, лучше держаться поближе к Антону».

В эту экспедицию Стас попал совершенно случайно. В приемной комиссии института он узнал, что в последние годы самый маленький конкурс на геологический. «Абитуриенты в основном идут на экономический и юридический, а еще выбирают физфак», — сказала ему какая-то женщина, и он, не раздумывая, решил пойти по пути наименьшего сопротивления. Проработав почти год на кожкомбинате, он понял, что свои деньги ему не помешают, поэтому учиться надо заочно. Но неожиданно возникла проблема: для поступления на заочное отделение геологического факультета необходим стаж по специальности. Вот его-то и хотел заработать Стас в экспедиции.

Еще зимой через Виктора — бичеватого разбитного парня, жившего по соседству, — он договорился, что в поле его возьмут геофизики.

— С геофизиками ходить много не надо, — говорил ему сосед. — Я тебя устрою на электроразведку. Будешь иметь дело только с приборами. Работа, скажу я тебе, непьющая — и главное, платят неплохо. Это тебе не геологическая съемка или какие-нибудь там поиски, где нужно целый день «пахать»: бегать с рюк-

заком по тайге. То есть ходить в маршруты — как романтично называется у геологов.

О структуре геологической службы Стас не имел ни малейшего представления, но уроки Виктора усвоил отлично и теперь знал, куда нужно идти, чтобы меньше работать и больше получать.

«Ребята там хорошие, — постоянно крутилась в голове фраза, брошенная соседом, — напишут тебе такую характеристику, что примут в любой вуз без экзаменов».

Но к геофизикам он не попал, поэтому пришлось искать обходные пути. О своем решении пойти в экспедицию Стас дома долго не говорил. Всю жизнь мать посылала любимому отпрыску и мечтала, чтобы ее сын выучился и получил высшее образование. Но тайное когда-то становится явным: пришло время, и мама узнала, что ее любимый Стасик собрался в тайгу. Когда он рассказал о своих планах, та испугалась за своего ребенка и не на шутку разошлась:

— Я тебя освободила от армии, создала все условия для учебы, только садись и готовься, а ты этого будто не замечаешь и меня совершенно не ценишь. Ты поступаешь точно так же, как когда-то твой отец: я ему твердила то же самое, убеждала взяться за ум. Он не послушал. И где он теперь!..

Стас хмыкнул и призадумался. Об отце мать никогда не говорила, будто его не было, поэтому кто он и где теперь — парень не знал. Правда, когда он был маленьким, проскакивало у нее, что папа летчик, а сейчас в командировке и скоро вернется. Но командировка отца, видно, затянулась надолго.

— Сынок, мне от тебя ничего не надо, — немного успокоившись, продолжала она уже тише, — только учись. Поступишь в институт, будет у тебя все, что захочешь. Я ничего не пойму, зачем ты туда рвешься, зачем тебе эти бродяги? Собрался в какую-то экспедицию! Это безрассудство, настоящее мальчишество. Пока не поздно — опомнись. Прошу тебя...

И все-таки несмотря на уговоры матери Стас пошел в поле...

Под ногами так булькало, точно где-то глубоко в недрах работал грязевой вулкан. Вода бурым шлейфом разбегалась в разные стороны, слой растительности, затянувший болото, волнами ходил как живой. Неожиданно жижка под Серым разошлась, и конь провалился в болото. Стас дернул повод, Серый не шелохнулся. Стало ясно, что завяз он основательно. Парень не на шутку испугался, стали сбываться самые страшные думы: болото может поглотить и его самого. В страхе он закричал. Бросив лошадей, на помощь кинулся Антон. Положение было критическим — в болото могла провалиться вся связка. Не раздумывая, парень взялся за повод и потянул. Однако от этого ничего не изменилось — лошадь осталась на месте.

— Давай, давай, — подбадривая, бегал рядом Стас, — сильнее, сейчас он должен выбраться. Я вижу, вот-вот он пойдет. Еще немного, ну еще...

Антон завяз в грязной жижке по пояс, вода залилась в сапоги, а конь по-прежнему даже не шевелился. И главное — было видно, что не хочет вылезать.

— Смотри-ка, он и ухом не ведет. Похоже, что больше притворяется, — сказал он, бросая веревку. — Если хотел бы выбраться, стал бы упираться, а то даже не напрягается. Может, думает, что бесполезно, так сказать, обречен, поэтому зачем куда-то рваться?

Они взялись вдвоем и потянули изо всей силы. Раз дернувшись, Серый завяз еще сильнее. От веревки, глубоко врезавшейся в горло, он захрипел, изо рта пошла пена. В какой-то момент показалось, что глаза коня вылезут из орбит. Парни не на шутку испугались и, дав ему прийти в себя, взялись снова тянуть.

— Ну что вы делаете?.. — матюгаясь, прибежал запыхавшийся Дубовик — Перестаньте, а то задушите! Неужели не видите, он стал уже дергаться. Еще немного

и копыта отбросит. За ним стоят другие лошади, они тоже его держат. Заставь дурака богу молиться...

Он быстро разрезал веревку, связывавшую связку, и отвел лошадей в сторону. В болоте остался один Серый. Конь быстро отошел и теперь с беспокойством поглядывал за происходящим. Антон со Стасом металась в растерянности, не зная, как ему помочь.

— Ну что смотрите? — крикнул Дубовик, осматривавший Серого. — Быстро разгружайте! Снимайте вьюки! Уносите...

Стас с трудом стащил одну объемную суму и тут же бросил под ноги. Сума шлепнулась в грязь, окатив его с ног до головы.

— Куда... в болото?.. — не выдержав, заругался Антон. — Она и так мокрая. Выноси на сухое место! Вон там кочка...

Серый еще несколько раз дернулся и успокоился. Лежа на брюхе, он теперь лениво пощипывал осоку. Выбраться из засосавшего его болота конь больше даже и не пытался. Дубовик срезал толстый прут и подошел к нему ближе.

— Ох и нелегкая это работа — бегемота тащить из болота! — постукивая себя прутом по ноге, сказал он стоявшим ребятам. — Сейчас будем ему помогать, а то сам он не может. Думаю, обойдемся без подъемного крана, вытащим за счет его внутренних резервов. О-хо-хо! — засмеялся он громко...

В напряженной обстановке, когда жизнь лошади висела на волоске, его смех показался неуместным, но этим он так-таки разрядил обстановку и снял нервное напряжение, охватившее всех. Глядя на него, геологи заулыбались и, будто забыв о Сером, нуждавшемся в их помощи, наперебой загалдели.

— Вы только посмотрите на него! — неожиданно переключился Дубовик на завязшего в болоте коня. — Мы тут голову ломаем, думаем, как его вытащить, а он паразит этакий, стоит как вкопанный. Ну, куда это годится?! Передохнул немного и хватит, давай работать. Сейчас мы будем освобождать тебя из плена. Ты понял?! — помахал он палкой перед носом коня.

Александр обошел вокруг него и, удовлетворенно хмыкнув, будто конь уже был на свободе, сказал:

— Стас, возьми его за узду и тащи вперед, а ты, Антон, смотри, чтобы он не пошел в сторону и не попал в другую болотину. Я буду помогать вам сзади, — показал он прут. — Стас, старайся тянуть рывками, в такт моим ударам. Но только не спать!

Конь под хлесткими ударами палки забеспокоился, но особых усилий, чтобы выбраться из болота, не прилагал.

— Ах, ты...

Дубовик со всей силы ударил Серого снова. Тот не ожидал такого быстрого развития событий и резко дернулся вперед, освобождая передние ноги из трясины. Махнув ими в воздухе, он снова плюхнулся в топкое болото, обдав Стаса и Антона грязной жижей. Дубовик ударил еще раз. Конь неистово заржал, рванулся сильнее и, тяжело дыша, с обезумевшими от дикого напряжения глазами выбрался на свободу.

— Ну вот, теперь полный порядок. Давно бы так. А то мы вокруг него суетимся, а он осоку щиплет. Не жизнь, а малина!

Геолог осмотрел Серого со всех сторон и, не увидев ни ран, ни порезов, остался удовлетворен.

— Жить будешь, только в такие переделки больше не попадай, а то не ровен час так и останешься в болоте. Из-за тебя я теперь грязный и мокрый как черт.

Больше всех восторгался Стас, довольный тем, как ловко освободили его подопечного из плена:

— Здорово! Вы знаете, я грешным делом подумал, что мы его не вытащим, а он просто вылетел оттуда.

— Немного позже — не исключено, что и не вытащили бы, а сейчас мерзлота еще глубоко не протаяла. Ты же сам видел, что он лежал на животе, а дальше не проваливался, значит, ногами стоял на твердой почве. Главное в этом деле — заставить лошадь упираться. Животным так же, как людям, иногда нужен хороший толчок. Когда встряхнешь, в голове, видно, что-то поворачивается — смотришь, мозги начинают по-другому работать.

Дубовик вылил из сапог воду, стер с лица грязь и мечтательно сказал:

— Сейчас не мешало бы малость подсушиться и передохнуть. Но се ля ви: пока придется потерпеть — останавливаться рано. Нужно дойти хотя бы до Сагикана. Там сделаем привал.

НА ПРИВАЛЕ

Вскоре марь кончилась, пошел высокий кочкарник, а за ним начался редкий лес с густым кустарником. Изредка попадались муравейники и трухлявые колоды. Двигаться пришлось без тропы, но под ногами стало тверже. Неожиданно островок леса оборвался. Вся широкая долина была покрыта невысокими буграми, заросшими мхом и редким кустарником. Кое-где природа так постаралась, что бугров было больше, чем грибов на лесной поляне. Идти по таким кочкам — все равно что по шпалам: даже разогнавшись, невозможно сделать полный шаг. Антон снова чуть не упал. На этот раз удержал повод, за который он вцепился железной хваткой и, повиснув как на канате, устоял на ногах.

Примерно через час перегонщики пересекли долину и вышли на берег реки Сагикан. Тут рос настоящий деловой лес, макушки которого тянулись высоко вверх. То и дело встречались старые звериные тропы. Они петляли, раздваивались и местами совсем терялись, будто никуда не вели. Под ногами стелился высокий желтовато-зеленый, а местами буроватый лишайник, известный как ягель — основной корм оленей. Пройдя еще около километра, спустились к реке.

— Привал, — скомандовал Дубовик. — Связки не развязывать, подпруги отпустить чуть, но смотрите, чтобы вьюки не поехали вниз.

Все облегченно вздохнули, на лицах появилась улыбка. Только одному Стасу было не до веселья: в дороге он весь изодрался и поцарапался. Тонкие спортивные брюки болтались на нем жалкими лохмотьями.

— Стас, тебе не холодно? — задел его Роман. — Ты хотя бы зад прикрыл, а то всех зверей распугаешь.

От его слов парень скривился, недобрый огонек блеснул в глазах.

— Паразит ты, Рома. Тебе бы так, тогда я посмотрел бы, какие песни ты запоешь. А то он, видите ли, изображает тут из себя...

Кого тот изображает, Стас не сказал, от обиды и жалости к себе его даже бросило в жар. Чтобы скрыть свое состояние, парень отвернулся и, будто отмахиваясь от комаров, замахал рукой перед лицом.

— Вот это да! Ай-ай-ай! — увидев Стаса, захохотал Дубовик. — Хорошо ты пробежался, ничего не скажешь! Я же тебе говорил, что надо одеваться по-человечески. А ты мне: «Жарко, жарко». Вот тебе и жарко...

«Им-то что? — мелькнуло в голове у молодого человека. — Оказались бы в моей шкуре, я бы посмотрел на них. Ох какие умники! Это все Рома...»

— Зато теперь, я вижу, тебе нормально, — не обращая внимания на состояние пострадавшего, распекал его геолог. — Надо было слушать, что тебе говорят, а не заниматься самодеятельностью. Замерз?

— Н-немного, — рукавом куртки Стас потер под глазами и выдавил из себя что-то вроде улыбки. Но от этого его физиономия приняла еще более жалкий вид, говоривший, что ему сейчас не до шуток. Чтобы как-то скрасить нелепость положе-

ния, в которое попал, он пожаловался: — Н-на чертовом болоте вымок, как цуцк, да еще эти колючие кусты. До сих пор согреться не могу. Кстати, к-когда идешь, совсем не-е холодно, это сейчас я что-то остыл. Долго с-стоим...

От сырой или неправильно подобранной одежды наступает переохлаждение, нередко приводящее даже к смертельным исходам. Любой таежник, опытный турист или геолог об этом хорошо знает и экипируется соответствующим образом. Даже обычная геологическая куртка с подкладкой защищает от непогоды лучше, чем какой-нибудь пиджачок или толстая рубашка.

— Это будет тебе хорошим уроком, — похлопал его по плечу Александр. — Давай переодевайся. Где твоя роба?

Стас надулся и, вздрагивая всем телом, засопел:

— У меня больше ничего нет, я штаны потерял. Водой унесло...

Мгновенно оценив ситуацию, Александр заворчал:

— Так бы сразу и сказал, а то, видите ли, жарко ему стало. Что же ты так? Хотя бы намекнул. Кого стесняешься? Девочек у нас нет. А почему не взял запасную одежду?

Тот только развел руками.

— Хорошо, что голову не забыл, — по-своему понял его Дубовик и, будто извиняясь за грубость, сказал мягче. — Ладно, с кем не бывает. Было бы хуже, если бы забыл обувь.

Он развянул своего передовика и из сумы вытащил полиэтиленовый пакет с новым геологическим костюмом.

— На, возьми! Немного не по размеру, но других штанов у меня нет. Они и для меня малость длинноватые. Подтяни вверх и подвяжи веревкой.

Антон вырубил тонкую листовницу, очистил от веток. Заострив с одной стороны, загнал в кочку. Чтобы палка не прогибалась, под нее подложил увесистый камень. Дубовик принес охапку сушняка и развел под таганом огонь.

— Мужики, давайте поближе к костру, — окликнул всех Антон, — здесь ровней и продувает, комаров меньше. Стас, а ты что тянешься, новые штаны мешают? Тащи чайник, костер уже разгорелся.

— Сейчас иду-у-у, — эхом разнеслось вокруг.

— Вот резинщик! На радостях он, видно, позабыл, зачем пошел. Доверяй такому ответственное дело, так и без обеда останешься.

Роман вытащил заварку с сахаром и хлеб со сгущенкой, Антон поставил две банки тушенки. Следом заявился Стас с пустым чайником.

— Что, трудно было воды набрать? — снимая сапоги, наехал на него Дубовик. — Надо на ходу соображать! — Он положил сапоги на солнечную сторону, портянки развесил на куст, обдуваемый ветром: — Вот теперь полный порядок, осталось только глотнуть чайку со сгущенкой.

Его примеру последовал Антон, быстро снявший сапоги. От горячего свежезаваренного чая прошибло потом. Стало жарко, как в парной.

— Ух, хорошо-то как! — блаженно потянулся Александр. — В маршруте нет ничего лучшего, чем чай на привале. Выпьешь кружку — и как будто заново родился.

— Да, чай — это сила, — поддержал его Антон, ладонью вытирая выступивший пот. — Во время передышки можно спокойно поговорить, а то целый день наедине со своими мыслями.

— Александр, помнишь, ты обещал добить свой рассказ о предстоящих делах, — улегшись возле костра, сказал Роман. — А то я до сих пор так и не знаю, куда мы идем и что будем делать. Правда, впереди целое лето, но хотелось бы об этом услышать не в конце полевого сезона.

— Что за проблема?! Мне даже в голову не пришло, что вы до сих пор не потеряли интерес к предстоящим маршрутам. Сейчас расскажу.

Дубовик сел поудобней и сразу начал:

— В войну в тех местах, где мы будем с вами работать, геологи нашли три месторождения — «Медвежье», «Орто-Салу» и «Оборонное». «Медвежье» разведали с поверхности канавами, на «Орто-Сале» тоже прошли десятка полтора горных выработок. Ими зацепили одну жилу с довольно приличным содержанием олова и ряд других — поменьше. Для прослеживания на глубину и по простиранию пробили длинную штольню и из нее попутно с разведкой всю войну добывали руду. Потом этот участок так же, как «Медвежье», закрыли. Содержание и запасы руды оказались невысокими, — пояснил Дубовик. — Может быть, так спешно оттуда не ушли бы, но началась амнистия, о которой я вам уже говорил. Но главное, поместу, в другом: на севере в то время нашли ряд новых довольно перспективных месторождений. Потребовались люди и техника. Короче, оба участка закрыли. Позднее на той площади прошла геологическая съемка двухсоттысячного масштаба, и с тех пор этими объектами никто не занимался. А причину я вижу не в том, что там мало руды, а скажем так, в антирекламе. В последнем отчете значительно занизили запасы олова и дали отрицательный прогноз на открытие новых объектов, аналогичных этим. Такой вот ярлычок на весь район прицепили, и теперь по нему судят на всех уровнях.

Геолог был прав: не на одном месторождении и даже не на одной перспективной площади был поставлен крест только из-за того, что предшествующими работами чего-то не доделали или дали неверную оценку. И во всех этих проблемах главной причиной был человеческий фактор. Где-то отобрали недостаточно проб, чтобы точно оценить запасы месторождения, или неграмотно провели опробование, а где-то подвела лабораторная база. Итогом стала неверная интерпретация полученных результатов исследований и, как следствие, — отрицательный прогноз.

— А почему ты думаешь, что они не правы? — спросил Роман.

— Да потому, что мы проработали весь имеющийся материал и пришли совершенно к другому выводу. Наши предшественники не учли, вернее, не захотели многого учесть, а кое-что вообще «закопали» в своем геологическом отчете. И вот результат! Сейчас наша геологическая наука ушла далеко вперед, требует обобщения всех имеющихся сведений, которые, может быть, накоплены не одним поколением геологов. Словом, на службу поисков месторождений поставлено все, что может помочь в решении этих непростых задач, которыми занимаются геологи. Вот такие дела, мужики, — закончил Дубовик.

С чувством исполненного долга он посмотрел на ребят. Вот, мол, я вам все доложил, как на заседании научно-технического совета экспедиции.

— Александр Федорович, а что мы будем делать на «Оборонном?» — не дав передохнуть начальнику, прервал самолюбование Стас. Для этого он даже обратился на «вы», тем самым рассчитывая заработать дополнительные «очки». — Вы до сих пор о нем ничего не сказали. Это, скажем так, для общего развития, а конкретики мы опять не услышали.

Рука Дубовика описала в воздухе неопределенный полукруг и шлепнула по лбу. От комара осталось кровавое пятно.

— Ну, об «Оборонном» разговор особый... — не обратив внимания на официальное обращение Стаса, сказал он как-то нехотя, будто выдавил из себя. — Находится это рудопроявление в стороне от тех двух участков, зато по ходу нашего перегона. Командовать там будет Антон Викторович, это его вотчина. Но об этом он расскажет сам, в следующий раз. Кстати, там он наметил целый комплекс исследований, в том числе решил применить новый метод разведки месторождений. Явно хочет добиться выдающихся результатов!

Добродушная улыбка появилась на его лице. Возможно, в эту минуту Дубовик

позавидовал молодому геологу, освоившему современную технологию, которой сам не владел.

— Все, мужики, подъем! Нужно двигать дальше. Наверно, портянки уже просохли? — встал Александр. — Стас, не потеряй свои новые штаны!

СНЕЖНЫЙ ПЕРЕВАЛ

Когда перегонщики приближались к перевалу, солнце клонилось к высокой горе, острым пиком выделявшейся среди отрогов горной системы Большого хребта. Недоступные вершины, которые они видели издалека, теперь были совсем рядом, и казалось, до них можно дотянуться рукой, погладить крутые склоны, прилизать труднопроходимые перевалы. Здесь пролегал коридор, по которому можно было подойти к седловине, ведущей в бассейн Курунг-Юряха.

Чем выше поднимались геологи по каменистому склону, местами поросшему мхом и ягелем, тем сильнее леденело вокруг. Тропа то и дело переходила с одной стороны реки на другую, забиралась вверх, резко скатывалась вниз. Можно было подумать, что ее так закрутили нарочно, чтобы никто не смог разгадать немислимых выкрутасов этой горной дороги. Несколько раз Дубовик ее терял, и тогда геологи со связками лошадей залезали в курумы, развалы крупных камней или в непролазный чащобник. Ругаясь и проклиная все на свете, Александр находил ее снова, но только успокаивался, как тропа опять обрывалась. После того как пару километров он все-таки провел отряд по немислимому бездорожью, они уткнулись в прижим, обойти который было невозможно.

— Что за хреновина?! — не на шутку разошелся Дубовик. — Ни одной зарубки, ни одного следа, будто никто здесь не ходит. Но ведь ходят же! Здесь единственный путь к перевалу. Ты посмотри на карту, — показал он Антону, — мимо этой долины никак не пройти.

Перекрывая дорогу, горная река натужно неслась через узкое ущелье.

— Может, заночуем где-нибудь у подножья? — подумав, что неплохо было бы остановиться, предложил Антон. — А завтра со свежими силами двинемся дальше. По утранке мы забежим на эту гору на одном дыхании.

В словах Антона был смысл. Переходить лучше через сложную горную систему тогда, когда люди и кони хорошо отдохнули после тяжелого дневного перехода.

— Нет, переваливать будем сегодня, — твердо сказал тот. — Здесь очень опасное место. За ночь может пройти дождь или выпасть снег, потом меси грязь. Сам понимаешь, от разгула стихии никто не застрахован.

По-своему он был прав: погода в горах может измениться в любую минуту. Кроме дождя и снега может опуститься густой туман и надолго закрыть даже самые низкие вершины, до которых подать рукой.

— Ну, куда же делась эта тропа? — который раз вопрошал Дубовик. — Охотники как-то же ее находят? Может, они хорошо знают эти места и прут напролом, но ведь ходят-то разные люди...

— По-моему, летом здесь никто не бывает, — не выдержал Антон, — а зимой тропа не нужна. Сам знаешь, снега выпадает много, поэтому идут прямо по замерзшему руслу реки, а про этот кусок, наверно, все наслышаны. Место уж больно приметное: один раз увидишь — запомнишь на всю жизнь. Постой, постой, — вдруг схватился за голову Антон. — Кажется, я видел какой-то затес на перекошенной листовяшке, стоявшей на нашей стороне. Может, тропа туда пошла. Примерно вот на такой высоте, — он показал на обрыв, с которого водопадом летела вода. — Бедное дерево, его так ветрами скрутило, что смотреть страшно...

Вскоре геологи поднялись к перевалу. Повсюду плотной стеной стояли горы,

казавшиеся неприступными. Только одна седловина между островерхими пиками была врезана сильнее других.

«Горы лезут в небеса и разрывают облака, — рассматривая вершину, подумал Антон. — Переваливать будем здесь, больше нигде, там еще выше. Но склон уж больно крутой. Как лошади пойдут — ума не приложу, каждая несет килограммов по восемьдесят-девяносто, а у Тойона и того больше. Бедолага упирается с этими сундуками, как папа Карло, и никакой тебе благодарности. Только один Тунгус сачкует, вышагивает себе с двумя легкими спальничками, как на прогулке. По сравнению с другими вьюками они почти невесомые. А вдруг мы не пройдем? Что тогда, возвращаться назад и искать новую дорогу или развьючивать лошадей и переносить весь груз на себе? Но у нас же добрая тонна разного бутара. Интересно, за сколько ходок можно перетащить эту поклажу?»

Антон быстро посчитал и пришел в ужас. Получалось, что не меньше двадцати-тридцати раз придется штурмовать вершину.

Первым гору штурмовал Дубовик. Он протащил свою связку так, словно нацеливался не на седловину, а на самую высокую вершину горной гряды. Пройдя немного, он резко развернул связку и пошел вверх в обратном направлении. Похожий маневр он повторил еще не один раз. Таким серпантинном геолог утюжил крутой склон, пока не добрался до уступа с пологой площадкой. Здесь он остановился. Внизу вплотную друг за другом, растянувшись по всему склону, шли связки Антона и Романа. Стас заметно отстал.

Другой дороги здесь не было. Это был единственный путь для всех, кто хотел оказаться по ту сторону горной гряды. Путь, доступный только сильным. Бывалые таежники проложили эту тропу, и теперь она служила другим.

В вершине ручья в нос ударил стойкий запах багульника. В ложбинах и на открытых местах он образовал целые заросли. Багульник недавно зацвел, и белые цветы придавали этому унылому месту более нарядный вид. На короткое время тревожные мысли о предстоящем перевале отступили на второй план.

Поднявшись на хребет, геологи вышли на последнюю прямую и, думая, что самое трудное уже позади, расслабились. В этот момент случилось непредвиденное. Булат, шедший в связке Антона последним, споткнулся. Не успел парень опомниться, как конь опустился на передние ноги, повалился набок и, не удержавшись, кубарем покатился по каменной осыпи. За собой он потянул остальных. От сильного рывка повод выскочил из рук геолога, будто кипяток обожгло ладони. Связка стала неуправляемой. Булат, кувыркаясь и прыгая, как резиновый мяч, пролетел метров двадцать и, словно кошка, приземлился на ноги. Элэмэс и Хромой кое-как устояли на ногах и, пятясь задом, сбежали вниз за виновником происшествия. Вслед за лошадьми, громыхая, летела охотничья печка, упавшая с привьюка. Одна сума точно оторванный буй, выброшенный морем на пустынный берег, валялась на осыпи вверху, вторая вместе с седлом съехала лошади под живот, и из нее золотистой стружкой сыпался овес.

Слома голову Антон кинулся вниз. Под ногами поехала тонкая плитка алевролитов, ссыпавшаяся вслед за ним.

«Как там Булат? — вертелось в голове. — Не по мху же летел...»

Конь почти не пострадал. И если бы не глубокие царапины на ногах да мелкая дрожь, бившая от копыт до гривы, — ни за что бы ни догадаться, что с ним произошло несколько минут назад.

— Ну... настоящий цирк, — разбираясь с вьюками, ворчал Дубовик. — Наше счастье, что на осыпи мелкие сланцы. А если бы порода была покрупней размером или даже щебенка? Вот тебе тот самый миг, за который нужно держаться и который чуть не стоил нам еще одной лошади. В следующий раз надо быть внимательней.

Собрав лошадей и заново перевьючив, перегонщики пустились в путь и вскоре достигли перелома хребта. На перевале дул пронизывающий ветер, над самыми головами быстро пронеслись белоснежные облака, цеплявшиеся за острые вершины гор, соединявшиеся на горизонте в единую горную цепь. А далеко-далеко внизу как на ладони виднелись предгорные хребты и поблескивавшая на солнце река.

— Ура-а! Мы покорили вершину, — от радости, неожиданно накативших гордости и счастья закричал Антон. — Мужики, мы ее одолели! — неслось во все стороны. На ум даже пришли слова из песни Владимира Высоцкого:

Так оставьте ненужные споры!
Я себе уже все доказал —
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Оставив лошадей, все разбрелись по площадке. Слева от тропы стоял тур, сложенный из больших плоских камней. В него был вставлен покосившийся и почерневший от времени крест, срубленный из толстых лесин. С верхней перекладины сыпалась труха, трухлявой была и одна сторона. От порывов ветра крест раскачивался и протяжно скрипел, вызывая неприятные ощущения.

— Как ножом по сердцу... — ни к кому не обращаясь, сказал Антон. — Интересно, кто же его поднял сюда? Вокруг ни одного дерева, а он, я думаю, совсем нелегкий. Стоит, видать, очень давно...

Неожиданно для всех из-под креста Стас вытащил целую горсть разных монет и патронов.

— Ого, здесь настоящий клад! — запрыгал он на радостях, как маленький ребенок. — Клад, смотрите, смотрите, я нашел клад...

Монеты в лучах заходящего солнца на ладони парня казались кроваво-красными. Многие позеленели от времени и приобрели вид ценных раритетов, но среди них поблескивали и совсем новенькие.

— Все монеты нашей чеканки, — разбирая находку, показывал Стас. — А эта как будто только что с монетного двора. Просто удивительно, зачем их сюда бросили? Все-таки деньги, на них же можно что-нибудь купить.

По обычаю старых таежников, после покорения высоты на перевале надо было что-нибудь оставить, чтобы в следующий раз — а возможно, и на обратной дороге — от тебя не отвернулась фортуна. Дубовик взял у Стаса патроны, покрутил в руках.

— Это охотники отметились. Видите, в основном от ТОЗовки — правда, есть один ружейный двенадцатого калибра и пара патронов от карабина. Они тоже совсем не окисленные. Значит, ходят тут люди, не заросла народная тропа.

В КАМЕННОМ МЕШКЕ

За перевалом ветер стих. Долина реки, куда спустились перегонщики, наполнила каньон с крутыми склонами, которые снизу доверху были завалены угловатыми зеленовато-серыми камнями: крупные валуны выстлали дно.

Возле развала крупных и на сколе острых, как бритва, роговиков Дубовик остановился, поджидая ребят.

— Здесь лошадей не тяните, пусть сами выбирают дорогу. Им видней.

Показывая пример, он отпустил поводья подлинней, дал полную свободу Ата-ре. Тот будто этого ждал. Низко опустив голову и обнюхивая каждый камень, конь осторожно двинулся за Дубовиком. Прежде чем сделать шаг, он сначала будто проверял ногой и только после этого плавно ступал. Шел он там, где камни были

поменьше, минуя труднопроходимые хаотические нагромождения. Следом за ним почти шаг в шаг ступали другие лошади из его связки. Таким манером пошли и все остальные.

Пройдя сотню метров по каменному хаосу, Стас остановился передохнуть, загородив дорогу. Обойти его было непросто.

— Ты что стоишь, проходи быстрее! — крикнул Роман. Отрешенным, ничего не говорящим взглядом тот смотрел на удаляющуюся связку Антона. Со стороны могло показаться, что он находится в другом измерении.

— Ну давай, двигай, а то мы их не догоним. Шевелись... или меня пропусти.

Как-то безвольно, будто на последнем издыхании, Стас махнул рукой. Роман выругался и резко взял в сторону, пытаясь проскочить под склоном. За ним нехотя тронулся Шестерка, но, сделав несколько шагов, остановился. Веревка, связывающая лошадей, натянулась струной — и казалось, что сейчас разорвется. Роман дернул сильнее, упираясь; лошадь с трудом сдвинулась с места, потянув остальных. Вдруг сзади раздалось душераздирающее ржание. Парень на ходу оглянулся. В конце его связки как-то неестественно прыгал Маган и жалобным криком оглашал округу. Задняя нога лошади выше колена болталась на коже, и оттуда ручьем лилась кровь. На обезумевших глазах появились слезы. Судорожно вздрагивая, Маган грустно смотрел на парня, ожидая помощи, во взгляде читались невыносимые страдания, которые он испытывал от боли, и еще была там глубокая обида.

«Как же, мол, так ты со мной поступил? — будто спрашивал его конь. — Я тебе доверился, всей душой тянулся, а ты... Чего же ты стоишь, помоги! Давай быстрее!»

Оказалось, что во время остановки нога лошади попала между острыми камнями, зажавшими ее, словно капканом. Пытаясь вырваться, конь закрутился на месте, и в этот момент связка тронулась с места. Роман осмотрел ногу. Перелом оказался открытым. Кость раздробилась на мелкие осколки, прорезав кожу, острые края вылезли даже наружу. От вида белой кости и крови Роману стало нехорошо.

— Прости, я не хотел... — всхлипывал он. — Лучше на твоём месте стоял бы Тунгус. Если бы я знал, не забрал бы назад, тогда ничего бы с тобой не случилось. Но ты же мой, как же я мог тебя оставить! Хотел как лучше...

Роман развьючил Магана, отвязал от связки и снял повод с удилами. Вьюк и седло забросил на других лошадей. Все это время конь стоял не шелохнувшись, возможно, думая о том, что ему окажут помощь:

«Без вьюка стало легче, нужно только потерпеть. Сейчас меня вылечат, и я снова буду бегать по зеленым лужайкам, понесу поклажу. Еще немного...»

Однако все произошло иначе, чем мог себе представить конь. Размазывая на глазах слезы и позвякивая удилами, Роман его обнял и пошел прочь. Маган не верил своим глазам.

«А кто же мне поможет? — подняв голову и задрожав всем телом, будто спрашивал он вдогонку. В ответ — тишина. Только слышались удаляющиеся шаги того, кто стал его другом. — Теперь уже никто меня не спасет, — ответил он себе. — Когда я был здоров, был нужен, а сейчас я балласт. Может, все-таки...»

Маган остался один. По привычке он двинулся следом, но страшная боль сковала все тело, сдавила дыхание, он закрутился на месте и замер как вкопанный. В недоумении конь смотрел, как удаляется его связка, в которой он прошел не один день, и, поняв, что его бросили, жалобно заржал. Спотыкаясь на камнях, навстречу шел Дубовик с карабином наперевес.

— Что с ним? — не останавливаясь, спросил он на ходу.

Роман ничего не ответил. Вытирая рукавом слезы, парень отвернулся.

— Подожди возле моей связки, — бросил Дубовик вслед Роману, — я сейчас...

Когда он вернулся, тот немного успокоился, но был болезненно бледен. В ушах все еще стояло дикое ржание лошади и хлесткий звук выстрела.

— Как же ты так?! — сокрушался Дубовик. — Нам еще весь сезон работать, а уже серьезная проблема! До базы не дошли, а уже такого сильного коня потеряли.

Он тяжело вздохнул и отвел глаза в сторону. И была в них боль и тяжелая печаль.

— Ну, высчитай с меня, высчитай! — сорвался на крик Роман. — Я за все заплачу, только не трави душу, и так тошно...

— Что с тебя высчитаешь? — словно разговаривая с самим собой, начал Дубовик. — Дело не в деньгах. Заплатить за лошадей я могу и сам, а вот того, что сломалось внутри себя, не купишь ни за какие деньги.

Пройдя еще километра три, стали лагерем на узкой галечной косе, намытой посередине зажатой горами неприветливой речной долины. Было мрачно и сыро, от реки отдавало холодом. Над головами то и дело со свистом проносились какие-то птицы, а в развалах камней пищали мыши. Кое-как поставили палатку, сняли упряжь и отпустили лошадей. Травы нигде не было, но странное дело: животные никуда не пошли. Напившись воды, они подошли к палатке и, окружив ее со всех сторон, стояли с низко опущенными головами.

— Что с ними? — с беспокойством в голосе спросил Роман Дубовика, привычно разбиравшегося с вьючными седлами. — Не заболели?

— Устали. Им сегодня досталось не меньше нашего. Ну и, наверно, тоскуют по другу. Такие потери, сам понимаешь, никого не радуют, даже животных. — Он тяжело вздохнул: — Их нужно будет хорошо покормить, а то, я чувствую, они тут простоят всю ночь. Дадим двойную порцию овса.

Роман принес суму с овсом и, будто извиняясь, тихо произнес:

— Мне очень жаль Магана. Хороший был конь. Перед ним и всеми вами я в неоплатном долгу. Обещаю отработать.

В ответ Александр покачал головой и, видно, понимая его состояние, с утешением сказал:

— Что поделаешь, Рома, в жизни бывает и не такое. Это, конечно, дикая случайность, но впредь надо быть более терпимым и предельно внимательным. Тайга не прощает ошибок, за свою оплошность приходится дорого платить.

НАПАДЕНИЕ

Уже несколько дней медведя мучил голод. После выхода из берлоги ему не везло. Кроме прошлогодних ягод да корней растений больше ничего не попадалось. Правда, были еще эти вредные муравьи, которые старались залезть в нос, в уши и даже в глаза. Но что они могли сделать такому огромному лохматому зверю, когда он разорял их муравейники? Едва видимые круглые глазки медведя не пропускали ничего, что встречалось на его пути. Будь то сломанная ветка, или чей-то оставленный след, или даже запах, повисший в воздухе еще ночью и продержавшийся до утра. Обостренное обоняние позволяло ему обнаруживать свою жертву или врага еще задолго до того, как тот его увидит, и даже по косвенным признакам восстановить картину произошедшего.

Покрутив своей крупной головой, хозяин тайги не услышал посторонних запахов, которые могли бы насторожить. Рано утром здесь прошел лось, потом пробежали зайцы и, наконец, отметилась рысь. Эта дикая кошка постоянно пакостила ему и не раз уводила из-под самого носа кабаргу, а однажды напала даже на оленя. Он никак не мог ее прогнать; вот и сегодня она снова напомнила о себе. Медведь остановился и стал метить свою площадь, лишней раз показывая, кто тут

хозяин. Пройдя через заросший кустами распадок, он встал на звериную тропу и постепенно двинулся вперед. Мощное грузное тело переваливалось из стороны в сторону — из-за этого со стороны могло показаться, что это перекачивается какая-то бурая кочка. Однако лишнего веса у него не было, и ничто не мешало ему быть быстрым и неимоверно сильным.

На этой звериной тропе он знал каждую отметину, была ли это недавно упавшая ветка или замшелая колода, лежащая здесь еще до его рождения. Помнил он также каждое дерево, стоявшее вдоль его дороги. На своем участке он был единственным полноправным хозяином, здесь все принадлежало ему — будь то птица, рыба или какой-нибудь зверь.

Медведь подошел к листовнице, встал на задние лапы и когтями оставил зацепки. Удовлетворенно рывкнув, он опустился на землю и зашагал дальше. Пока здесь не было никого, кто мог бы с ним сравниться в силе. Он выше всех, сильнее и более ловкий, чем другие. Осенью он занял место прежнего хозяина, и теперь эта территория стала его. Неважно, что тот был его отцом. Раз он ослаб, должен уступить свое место, но он не захотел уйти сам — вот за это и поплатился жизнью. Это уже в прошлом, а сейчас ему надо подкрепиться, поправиться после зимней лежки в батиной берлоге, которая тоже досталась ему. Во время гона медведица теперь не прогонит его, как было прежде. Она уже знает, кто теперь здесь самый сильный и самый удачливый — значит, он может стать продолжателем их медвежьего рода.

Уловка посторонний запах, хищник злобно зарычал, выражая свое недовольство. Несмотря на его предупреждения, все же кто-то осмелился зайти в его владения и нарушить покой. Таежной грамоте его учила строгая мамаша, постоянно наставлявшая на путь истинный. За непослушание и невнимательность она давала ему подзатыльники и даже серьезно наказывала. А он был хулиганистым и задиристым медвежонком, считавшим, что обойдется без маминой науки. Однако как он ошибался! Его брат не усвоил медвежьей грамоты, поэтому стал жертвой своего отца. Медведица не подпускала того к своему семейству даже на пушечный выстрел: мало ли что он может сделать с ее малышами. А брат убежал и сам пошел к отцу. Из ревности или, может, просто повинувшись инстинкту, пришедшему от далеких предков, медведь поедает все живое, даже если это его детеныши. И отец напал. Так устроена жизнь в дикой природе, где выживает сильнейший. Слабаку в тайге не место: рано или поздно он погибнет от голода или от когтей более сильного конкурента или даже сородича... Хозяин снова рывкнул. Только в этот раз от удовлетворения собой. В отличие от брата, он жив, здоров и стал таким большим и сильным. Хорошо, что мать не дала ему остаться неумелым, ничего не знающим зверем.

Этот переход был самым обычным обходом своих владений. Здесь он проходил и вчера, и позавчера, пойдет и завтра. Медведь шел так же, как ходил всегда, отмечая все, что выбивалось из обычного и давно привычного для него состояния. Вот здесь резвились зайцы, о присутствии которых он узнал еще раньше. Прямо на его тропе эти паршивцы оставили о себе память. Это, конечно, безобразие, что зайцы бегают по дороге — да еще гадят у него под носом. За это их надо бы наказывать, но они были неглупыми и старались не попадаться ему на глаза, а шалили только в его отсутствие. А вот этот едва заметный след принадлежит его старому знакомому сохатому, которого он всегда обходит стороной. Он еще помнил, как мамаша-медведица пыталась с ним разобраться, но, не рассчитав сил, быстро ретировалась. Он и его брат тогда первый раз в жизни испугались: им стало страшно за мать и за себя. Вслед за ней они едва унесли ноги от разбушевавшегося великана. С тех пор он знает, что длинноногого лучше не дразнить. В этот раз сохатый только пересек его тропу, копыта даже не коснулись ее, но хозяин тайги на то и

хозяин, чтобы все знать. Лось шел к своему любимому болоту, находившемуся за этим лесом. Летом он скрывается там от донимающих кровососов. Заходит на отмель и стоит в воде, укрывая незащищенные ноги. А вот тут пробежал шалунишка соболь, с которым он, как и с сохатым, не связывается. Конечно, это не лось, но все равно, если он даже попадет в лапы, от этого шустряги хлопот не оберешься. Всю морду искусают и исцарапают до крови. Пусть он себе живет, можно обойтись и без него. Соболь тут охотился на глухарей, прилетавших на ток. Эти громадные птицы, как ни обидно ему, хозяину, также не по плечу — близко к себе не подпускают. Правда, однажды удача была совсем рядом: когда глухари токовали, он выдрал хвост зажавшемуся ухажеру, но тот все же улетел. А жаль, как они хороши! Он еще помнил вкус подранка, доставшегося ему после неудачного выстрела охотника... Человек — его самый страшный враг, которого он боялся пуще огня и старался держаться от него подальше. Но сейчас он не испугался бы никого. Одними корнями и муравьями сыт не будешь, а на крупных зверей ему с охотой явно не везло. Как ни обидно, прозевал косылу. Не хватило выдержки, поспешил, и она показала свой скудный хвостик. Вдобавок ко всему куда-то убежали олени — рано высох ягель, а грибы еще не пошли. Теперь ему приходится промышлять старой ягодой, которую вот-вот высушит жгучее солнце. Быстрей бы уж созрела голубика...

Неожиданно чутье зверя обострилось. Прилетевшим порывом ветра донесло запас лошадиного пота. Ошибиться он не мог, с этими спутниками человека он был знаком давно. Еще в молодости человек, приезжавший на коне, охотился тут на оленей. Тогда он был годовалым медведем, никогда не встречавшим людей и не видевшим этих домашних животных. Тем не менее, он отнесся очень осторожно к их появлению в тайге и правильно сделал. Его родственник чуть не поплатился своей жизнью за излишнее любопытство. Ведь мамаша сто раз учила, что человека надо бояться, от него можно ожидать чего угодно.

Бесшумно ступая по тропе, медведь сразу сообразил, что идут люди с лошадьми. В отличие от прошлого раза, их было много. Выдержав безопасное расстояние и оставшись незамеченным, он свернул в сторону и пошел параллельно своей тропе. За тем, что там происходило, теперь он наблюдал со стороны или определял по запаху. У двух человек он увидел палки, извергающие громы. Он уже знал, что этими палками они могут его победить, поэтому теперь старался держаться еще дальше от каравана.

Однажды он все же не выдержал и нарушил свое правило: пересек тропу, оставив на ней следы. Надо же было показать, что он здесь хозяин. И тот, который шел первым, бросил своих лошадей. По моховому ковру он дошел до поляны с прошлогодней багрово-красной брусничкой. Человек был совсем рядом, даже ел ягоду, которой было так много, что она еще осталась после вчерашнего пира. Пришелец был высоким, с густой щетиной на лице. На плече у него висело ружье. Защитного цвета одежда скрывала его в зелени растительности — и если бы не белая шляпа накомарника, его можно было бы не заметить. Но чуткий нос улавливал каждое движение человека. От него так же, как от лошадей, неприятно пахло чужим, особенно раздражал запах, доносившийся из ружья. Это удерживало от нападения. Он затаился, готовый в любое мгновение нанести смертельный удар. Если бы человек сделал еще несколько шагов в его сторону, тогда пришлось бы защищать свои владения. Пока он ждал человека за толстой лиственницей, раздался страшный выстрел. Хозяин подскочил и бесшумно кинулся в чащу. Испугался и человек. Забросив горсть ягоды в рот, тот побежал к своим лошадям. Опасность миновала.

Испуг быстро прошел, давал знать о себе голод, и хищник пошел за караваном. До тех пор, пока пришельцы не покинули его владения, медведь ни на минуту не

переставал их контролировать. Он преследовал караван даже тогда, когда перегонщики с лошадьми миновали хозяйские владения. Нападать на людей он не собирался, его интересовали лошади. Они были ростом пониже лося и не такими опасными, как длинноногий. Теперь надо было только выбрать подходящий момент. То, что он наконец-то утолит свой голод, медведь уже не сомневался.

Если бы Дубовик проявил большую бдительность и прошел по следам своего каравана назад, он наверняка бы увидел следы преследовавшего их зверя. Но он был поглощен другими проблемами и абсолютно уверен, что медведей тут нет.

Антон уже собрался заходить в лес, когда на мокром песке у самой кромки реки увидел четкий отпечаток медвежьих лап. Судя по следу, медведь был большим.

— Вот оно в чем дело! — невольно вскрикнул Демин. — Нам только этого не хватало. Такой, если нападет, задавит любую лошадь.

И как в воду глядел.

— Все, мужики, у нас очередная потеря... — мрачно объявил Александр. — Сокола задавил медведь. Выследил, зараза. Разворотил бок и потроха выпустил наружу. Смотреть страшно — вокруг кровищи целая лужа, повсюду обрывки шкуры и медвежьей шерсти. Когда конь ходил по поляне, он выскочил из леса. Конечно, он спутанный был обречен, но все равно Сокол дал отпор: в предсмертной судороге конь так-таки хватанул зверюгу зубами... Вся поляна перерыта, земля содрана до песка и гальки. Видимо, когда медведь задавил лошадь, то потащил ее в лес — наверно, спрятать хотел. Целую дорожку пропахал, кусты пригладил и даже молодую лиственницу выдрал с корнем. Нажравшись, зверюга подался обратно... Небось видели — следы идут по всей косе.

Весть о потере Сокола ввела геологов в уныние.

ДОЛГОЖДАННАЯ НАЛЕДЬ

Чем выше по реке поднимались перегонщики, тем чаще встречался снег на крутых склонах гор. Снежки лежали в ложбинах и под отвесными скалами, где солнце еще не успело их растопить. В долине реки стали появляться белоснежные полоски льда. В одном месте река пропилила наледь посередине, но кое-где лед остался вдоль берегов, будто напоминая о том, что совсем недавно здесь лежал единый панцирь, надежно заковавший все вокруг.

Вскоре долина реки резко расширилась: вдали показалась наледь, уходящая вверх по течению. Была у нее какая-то неестественная чистота и магическая сила, поражавшая воображение. Подул легкий освежающий ветерок — ото льда потянуло холодом.

Издали лед на солнце казался белым, как сахар, а когда подошли ближе, толстые льдины засветились неземным, манящим к себе голубым светом. Казалось, кусочек неба коснулся земной поверхности и, притянутый ею, остался навсегда, как будто в застывшем стекле. По краям огромного белоснежного поля лед растаял, и теперь там густо цвела голубика, а вдоль русла реки распустились золотисто-желтые цветы болотной калужницы. Возле самой наледи кустики тальника только пробудились от долгой спячки. Глядя на лохматые почки розоватого цвета, можно было подумать, что тут наступила ранняя весна. Над тальником кружили бабочки, вились мошки и дикие пчелы. Они перелетали с куста на куст, и в воздухе стояла звенящая музыка, рожденная этим оркестром. Тонкий медовый аромат, исходивший от цветущих растений, смешивался с запахом хвойной тайги. Сказочное благовоние висело в воздухе.

Возле берега лед навис карнизом, и от него, будто из глубокой пещеры, веяло вековым холодом. По всей льдине тысячи капель сплошным дождем сыпались вниз, исчезая в бегущем ручье. В прозрачной воде виднелась разноцветная галь-

ка с поблескивающим песком и золотистой слюдкой. От дружной капели вокруг стоял веселый звон, заполнивший все окружающее пространство и заглушивший и шум ветра, и трепет деревьев, и шелест кустарника, и многоголосье птиц.

Дубовика охватил восторг, и он, не в силах сдерживать эмоции, закричал:

— Мужики, весна! Ура-а-а!

Раскатистое «ура» громом прокатилось по долине реки, близлежащим горам и потонуло в шуме падающего дождя.

Его радостное настроение передалось другим. На какое-то время все забыли про перегон, про лошадей и даже о том, что их давно ждут на базе.

По наледю во все стороны бежали энергичные ручьи, под ногами со звоном рассыпались бесчисленные ледяные иголки, искристо вспыхивавшие на солнце. Больше часа перегонщики шли по этому сказочному льду, пока не увидели темную полоску тайги. Когда сошли на землю, в глаза бросились лосиные следы, оставленные недавно прошедшим зверем. Их пересекал более свежий след медведя.

Юркий полосатый бурундук заскочил на поваленное дерево и с любопытством смотрел на проходивший караван. Хрустнула ветка под ногами лошади — и, обиженно цыкнув, зверек исчез. Оглашая тайгу звонким лаем, к куче сушняка подбежал Шарик.

— Ух ты, шустрый какой! — поддел его геолог. — Теперь сколько ни лай, бурундук не вылезет. Не такой он глупый, чтобы ты его достал. А нам не помешал бы даже самый маленький олень, — мечтательно вздохнул Александр. — Его сполна хватило бы до конца перегона, а то, чего доброго, и правда продукты кончатся. Удивительно: сколько идем, а до сих пор я не видел свежих следов. Может, медведи разогнали... хотя не факт — скорее всего, охотники помогли. При теперешней технике браконьеры забираются в такие места, куда не ступала нога человека. Хоть заборы ставь. Да и они, я думаю, не помогут — у нас народ сообразительный, придумает, как их преодолеть. Нет, в последнее время охотников здесь не было, — утвердился в мыслях Дубовик. — Это точно. Хотя...

От внезапно пришедшей мысли он даже остановился и, дождавшись, когда подошел Антон, поделился тревожной новостью:

— Кажется, я видел что-то похожее на след, оставленный резиновым сапогом. Только он был нечетким, поэтому я не обратил внимания, проскочил мимо. А сейчас до меня дошло, что это был отпечаток сапога.

Зная, что просто так, сенсации ради, Дубовик не будет говорить о каком-то непонятном отпечатке, Антон насторожился.

— А где это было? Случайно не на косе?

Тот замотал головой, всем своим видом показывая, что не там.

— Нет, где-то возле наледи на намытой гальке с песком. По-видимому, отпечатался только каблук, подошвы я не видел, поэтому засомневался, — повторился геолог. — Я его заметил, как только подошли к наледи. Подумал, что промоина... Да-а, однозначно: это был отпечаток сапога, — усиленно вспомнил Дубовик. — Теперь я сообразил: там, где был примят кустарник, должна была отпечататься подошва сапога, но из-за того, что незнакомец шел по голубичнику, полного следа не получилось. Ты представляешь, я его пропустил, а в голове где-то зацепилось и только сейчас проявилось. Вот какую промашку я дал, — матюгнулся Александр. — Самое интересное, неизвестный прошел там недавно. След немного замыло водой. Короче, как теперь я понял, человек, оставивший след, шел вверх по реке.

Антон одолевала разные мысли. Таинственный след, недавно оставленный неизвестным, шел в том же направлении, в каком двигались геологи. Значит, где-то они могут встретиться. А может, Дубовик ошибся и промоину принял за отпечаток сапога. Тогда его волнения напрасны.

Следы незнакомца привели в боковой ручей с широкой залесенной долиной. Неизвестный, носивший резиновые сапоги сорок первого размера, вначале шел по тропе, и Дубовику ничего не говорило о том, что он куда-то свернет или даже бесследно растворится в пространстве. Но именно так и случилось: след куда-то пропал. Александр несколько раз пересек долину, облазил даже кусты, тянувшиеся вдоль реки — все тщетно: человек будто провалился сквозь землю. И самое странное, следы не отпечатались даже на заболоченной тропе.

— Давайте сделаем так, — собрав свою команду, сказал он решительным голосом. — Мы с Антоном пойдем вверх по ручью на разведку, а вы останетесь с лошадьми. В других обстоятельствах я, может быть, никогда бы сюда не зашел, а тут, так сказать, представился повод, поэтому надо посмотреть, что там делается. Ну как им не воспользоваться! На всякий случай я вам оставлю свой карабин. Надеюсь, он не понадобится, однако так будет спокойней для всех. Не исключено, что где-то здесь бандит отсиживается, у него может быть ружье или обрез. Кстати, об оружии старик ничего не говорил, но без ружья в тайге нечего делать.

— Может, мы пойдем своей дорогой, куда шли? — несмело сказал Стас. — Зачем нам этот бандит? Пусть им занимаются менты, это их работа. Мало ли что он может нам сделать! У нас и так время ограничено, зачем его попусту растрчивать.

Дубовик был готов к такому вопросу и поступил так, как поступал всегда, — спокойно и честно ответил:

— Ты прав, бандитами должны заниматься соответствующие органы, а у нас другая задача, но здесь нет ни милиции, ни народных дружинников — вокруг тайга. Конечно, мы можем пройти мимо и сделать вид, что ничего не заметили, как многие теперь и поступают... Короче, чтобы не мучила совесть, мы поступим честно, сделаем все, что в наших силах. Если окажется, что это тот самый бандит, о котором сказал Огонёр, сообщим о нем по радию. Так что, Стасик, ты не переживай, все будет нормально. И придем на базу вовремя.

Геологи поднялись выше по склону и увидели небольшое круглое озеро, словно подвешенное над долиной ручья. Вода в нем была такой голубой, будто небо окрасило его в свой цвет. С одной стороны горное озеро подпирали крутой склон горы, с противоположной — откуда они пришли — вода находилось в открытой чаше, словно парившей в воздухе.

— Здорово! — воскликнул Антон. — Никогда бы не подумал, что тут может быть такое замечательное озерко. Оно явно ледникового происхождения!

Антон наклонился и, набирая воду горстями, стал пить небольшими глотками. Со стороны могло показаться, что он смакует, растягивая удовольствие.

— Да она не хуже, чем в Байкале!

НА «ОБОРОННОМ»

К полудню геологи вышли из леса на широкую поляну, усыпанную болотной калужницей. Под ногами зачавкало, началась марь, покрытая ярко-зеленым мхом с островками карликовой березки.

Солнце стояло высоко, с самого утра было жарко. Хотелось снять с себя пропотовшую робу и подставить тело ветерку, но полчища комаров вились над головой, преследуя на каждом шагу, ни на секунду не давая передышки. Сколько геологи не смотрели по сторонам, ничто не указывало на присутствие человека. Нигде не попадались шуровочные линии или канавы, обычно сопровождавшие разведываемые участки полезных ископаемых, не было видно даже порубок или следов от старых стоянок, которые похожи на долго не заживающую рану.

Неожиданно долина Кыллаха резко расширилась и стала непохожей на ту, оставшуюся далеко внизу. Пологие склоны подходили к самой реке, а в истоках замыкались в виде цирка.

— По этой ложине мы выйдем к Беккему и далее — к «Оборонному», — на ходу бросил Дубовик.

— Так что, мы уже подошли? — недослышав, спросил Стас. С начала перехода он потеснил ребят и теперь держался вплотную за Дубовиком. Так было спокойней и, главное, — безопасней. Это он уяснил после происшествий, случившихся с лошадьми.

— Осталось немного, потерпи, — по-своему понял его Дубовик. — Лучше за поминай дорогу. Ух, какой простор! — воскликнул он радостно. — Не могу сидеть на одном месте, моя душа просит постоянной смены обстановки. Из-за этого, Стас, я и подался в геологи.

Посвистывая косыми крыльями, прямо над ними пролетела стайка диких уток. — Значит, Беккем уже близко, — невольно вырвалось у Дубовика.

Выбирая получше дорогу, перегонщики разбрелись по всей широкой долине Кыллаха. Теперь не надо было смотреть на хвост впереди идущей лошади и выдерживать дистанцию, чтобы не «прилетело» ее копыто.

Вдруг Роман резко остановился.

— Смотрите! — крикнул он. — Я нашел рваный ботинок. А вот еще один.

От времени ботинки стали пепельно-серого цвета, подошва оторвалась, и оттуда, как из разинутой щучьей пасти, торчали острые рыжие гвоздики.

Вскоре на натоптанном на выгоревший и полустлеженный ватник, валявшийся рядом, Роман поддел его ногой, на месте остались куски прелой грязно-серой ваты.

Подошел Дубовик.

— Тут, наверно, кого-то раздели, — показал Роман очередную находку. — Не иначе как напали злодеи.

— Ну да, в форме конвоиров ГУЛАГовского лагеря, — усмехнулся тот, понимая, что посторонних людей тут не было. — Может, беглеца поймали или даже замочили. С зэками никогда не церемонились. Кто теперь нам скажет, что произошло? Хотя, может, кто-то поменял свой гардероб: надоела зэковская роба, он выбросил. А вот где он взял другую одежду — об этом на досуге можно подумать.

В ложине встали на утоптанную тропу, и она привела на седловину. По обеим сторонам вверх тянулись редкие деревья, между которыми разросся ерник. Впереди открылась широкая долина Беккема, заросшая густым лесом, тянувшимся вдоль русла реки.

Пройдя еще с полкилометра, перегонщики вышли на старую лесную дорогу. В том, что это не какая-нибудь промоина, образовавшаяся от вешних вод, Дубовик несколько не сомневался. Об этом наглядно свидетельствовали деревья, спиленные по берегам. Кое-где они были вырваны с корнем и явно служили доказательством того, что в этом сейчас диком, практически недоступном месте когда-то работала мощная техника и хозяйничали люди, не знавшие слова «экология».

Возле устья Оборонного ручья Дубовик увидел шурфы, как по линейке пересекавшие долину. Покосившиеся штаги возвышались над провалами земли.

— Ну слава Богу, мы на верном пути! — воскликнул Александр. — Раз поисковая линия, значит, скоро должен быть рудный участок. Вернее, то, что от него осталось.

Неожиданно он резко остановился и, отдав Стасу свою связку, прошел вперед. Походив по берегу ручья, быстро вернулся назад.

— Там свежие лошадиные следы, и, по-моему, конь был стреножен. Кстати, он тут ходил еще до дождя, вокруг все вытоптано.

Дубовик показал на след, уходящий вверх по ручью.

Стас насторожился. Опять этот беглец перешел им дорогу, и теперь наверняка начальник попрется его искать. Придется снова рисковать своей жизнью.

Через десяток метров на песке отпечаталась знакомая подошва резинового сапога. Человек прошел вверх по дороге. Все сомнения сразу отпали: тот, чей след они встретили раньше, скрывается где-то рядом.

— От озера он, видно, пришел по Сордонгу, — снова остановился Дубовик и, обращаясь к Антону, сказал: — Мы тут круги наворачиваем, а он ходит по прямой. Теперь надо идти предельно осторожно, а то, не ровен час, можно получить пулю в лоб. Если тут действительно тот самый Тимоха, о котором сказал старик, терять ему нечего. Почувствовав опасность, он будет стрелять до последнего патрона.

После услышанного на душе у всех стало беспокойно.

Первым не выдержал Антон:

— А зачем ему стрелять в людей? Тем более нас много, а он один. Да и вообще он же даже не догадывается, что мы знаем о нем. Для него мы просто экспедиция. Геологи вернулись на месторождение, которое было законсервировано. Теперь его предстояло взорвать.

Дубовик будто не слышал и продолжал свое:

— Вначале надо разведать, чем он занимается, а потом заходить всей оравой. Черт его знает, что у беглеца на уме. Подстрахуемся.

— Конечно, вы разведайте, а потом мы придем с Ромой, — быстро нашелся Стас. — Я не хочу идти под пули, не в ментовке работаю...

— А на мой взгляд, надо идти как ни в чем не бывало, — не вняв словам начальника, гнул свое Антон. — Спокойно заходим на площадь месторождения и располагаемся, как у себя дома. Мы же уверены, что там никого нет и быть не может.

И все-таки для подстраховки они разбились на две группы. Первым шел Дубовик с Романом, а метров через тридцать — Антон со Стасом. Дорога проходила по левому берегу ручья Оборонный, как он значился на плане месторождения, который Антон скопировал из геологического отчета. Вдоль ручья росла осина, кусты тальника и карликовой березки, под склоном и в долине — лиственница. Повсюду попадались валуны серых гранитов, похожих на те, что встретились на хребте. Но сколько Антон ни смотрел себе под ноги, грейzenов не увидел. Вскоре в ручье появились угловатые глыбы похожих гранитов. В них разбегались черные лучи турмалинов, поблескивали мелкие чешуйки светлой слюды мусковита и зерна бесцветного кварца.

Вдруг лошади захрапели и насторожили уши. Было件нятно, что они кого-то услышали. Дубовик схватился за карабин, готовый в любое мгновение послать пулю в того, кто захочет напасть. Сразу пришли мысли о подкарауливающем их медведе. Учащенно заколотилось сердце. Казалось, сейчас сдадут нервы и, не дождавшись врага, он выстрелит на опережение. В следующий момент из-за островка деревьев вынырнула рыжая лошадь. Не успел Дубовик даже рта открыть, как та громко заржала. Ей тут же ответили. Поднялась невообразимая переключка, эхом покатившаяся по долине Оборонного. Как старые знакомые, лошади приветствовали друг друга, в их ржании можно было услышать радость от неожиданной встречи.

— Ну теперь никуда уже не скроешься, о том, что мы идем, знает каждая собака. Какая встреча! — махнул рукой Дубовик.

Вдали показался длинный, почерневший от времени барак с полупровалившей крышей. По периметру он был огорожен колючей проволокой, по углам забора с распахнутыми воротами стояли две сторожевые вышки. За баракom виднелись «разнокалиберные» деревянные дома, расположившиеся по обе стороны Оборонного. Возле дома, возвышавшегося на пригорке, стоял человек с ружьем и смот-

шел в их сторону. Дубовик насторожился, ожидая любых неожиданностей. Но главное, что он сразу для себя отметил: человек не прятался, а был на виду. Значит, в случае перестрелки преимущество было на их стороне.

Не раздумывая, Александр со своей связкой направился к нему. За ним двинулся Роман, а Антон со Стасом остановились поодаль.

— Вот так неожиданность! — вместо приветствия начал Дубовик издали. — Я думал, тут никого нет, а что я вижу!

Подойдя ближе, он поздоровался и по всей форме представился. Мужчина повесил ружье на плечо и ответил крепким рукопожатием:

— Прохор. А фамилия моя Винокуров, — в такт гостю радушно ответил он.

Дубовик насторожился. Имя и фамилия этого человека полностью совпадали с отцом беглого бандита Тимохи, который будто бы подался к нему на зимовье.

Александр пригляделся: среднего роста, худощавый, с густой рыжей бородой и пышной шапкой темных волос, не вязавшихся с цветом его бороды. На вид не больше сорока — сорока пяти лет. На нем — вылинявшая темно-синяя рабочая спецовка, какие выдавали на разных предприятиях, а одно время ими экипировали даже геологов. Под робой — светло-голубая рубашка в мелкую клеточку, на ногах — поношенные резиновые сапоги.

После первых же слов Дубовика, прояснивших цель их появления, тот пришел в себя и заметно повеселел. Но все равно смотрел каким-то недоумевающим взглядом, в котором можно было прочесть: «Я не верю своим глазам, что передо мной живые люди!» Наконец он сказал:

— Какая неожиданная встреча! Вы первые, кого я вижу здесь за долгие годы. Все время я думал, что когда-нибудь сюда придут геологи, вспомнят про этот «Оборонный» и вернутся. И вот свершилось! Это, можно сказать, историческое событие: с тех пор как отсюда ушли люди, чужих тут не было.

— Значит, мы первые... Что, вообще никого не было? — строго спросил Александр. — А Тимоха?

— Не знаю я такого. Никакие посторонние сюда не заходили. Один я тут, как перст, — бесхитростно сказал Прохор. — Да вот еще мой конь Рыжик, которого вы встретили по дороге. Он и предупредил меня о том, что вы идете, а то могли бы разминуться. Я собирался идти рыбачить на Тирехтях. Это за горой. — Он показал на верховье ручья, где стеной стоял лес. — Туда идет тракторная дорога. Только она давно заросла, но ходить можно. В любом случае по ней идти лучше, чем по валежнику. В верховье Тирехтяха в это время хариус стоит. В ямах его навалом — и, главное, крупный, как ленок. Я давно хотел туда сходить, да вот захотелось гольца. Только недавно вернулся с горного озера, что в верховье Сордонга. Небольшое такое озерко, но очень красивое. Я его называю Гольцовым, потому как водится там эта рыба во множестве. Пока оттудова добрался, все ноги сбил. По Сордону тропы там нет, а в ручье такие камни наворочены, что просто ужас.

Слушая собеседника, ничего того, что могло бы выдать в нем опасного преступника, Дубовик не услышал. Говорил тот обо всем просто: об элементарных проблемах, с какими встречаются все таежники, о приходящем в негодность заброшенном поселке и даже о политике. В последнем вопросе, как понял Александр, был он не силен.

Дубовик махнул рукой, подошли ребята, следом прибежал Шарик и с лаем бросился к Прохору. От неожиданности тот вздрогнул и отпрянул назад.

— Ух ты... — невольно вырвалось у него. — Этот звереныш напугал меня до полусмерти. Такой маленький, а уже злой, как овчарка. Лайка должна быть доброй, а это что такое? Вот у меня была собака, Моряк, — настоящая кормилица, — поглядывая на Шарика, начал он рассказывать. — Без мяса я не сидел. То оленя добыду, то сохатого... ну, естественно, оболей промышлял — а теперь вот: как

Моряка не стало, хоть с голода помирай. Это я, так сказать, образно, но собака точно была зверовая, равной ей я не знаю. Потом поговорим обо всем, а сейчас идите, устраивайтесь. Поди, устали с дороги?

Он показал на два рядом стоявших дома и сам же проводил геологов к ним.

ПРИВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО

Вопреки всем предположениям и догадкам, на «Оборонном» оказался целый поселок, в котором, на первый взгляд, было не меньше двадцати домов. Рубленые из толстых бревен, они стояли по одну сторону реки, а несколько домов расположились напротив, в начале поселка, откуда пришли геологи. Поодаль были пробиты две штольни. Об этом можно было догадаться по отвалам породы, доходившим почти до русла реки. На краю одной огромной кучи словно памятник работавшим здесь горнякам замерла вагонетка. Когда-то в ней откатывали породу из недр, а теперь, как и заброшенный поселок, она напоминала о тех давно прошедших временах.

— Просто невероятно, здесь даже есть штольни! — увидав результаты деятельности рудного участка, не унимался Антон. — Кто бы мог подумать, что тут ворочили такими объемами. Я думал, прошли только две канавы, а оказывается... Самое интересное, в моем отчете о штольнях ни слова, а Прохор о них знает. Он даже назвал их протяженность и содержание олова в разных частях рудных жил. Да что там — даже сообщил о запасах руды. Может, у него есть какой-то иной отчет? За язык его никто не тянул, он сам мне об этом открылся. Я думаю, что в наших геологических фондах хранится какой-то промежуточный документ, а у него — окончательный. Недоверие вызывает только то, что документ с грифом «секретно», как говорит Прохор, оказался в частных руках. А то, что он секретный, я несколько не сомневаюсь. В то время засекречивали буквально любую бумажку. По понятиям чекистов, делали они это в интересах безопасности социалистического государства, чтобы наши «секреты», как они говорят, не попали в руки шпионов.

— Не суетись раньше времени, — осадил его Дубовик. — Сейчас мы устроимся и со всем разберемся. Но не надо забывать, что Прохор, возможно, опасный преступник. Поэтому на ночь мы поставим дневального и по очереди будем дежурить.

На открытом месте штабелем были сложены ржавые бочки из-под горючки. Их было так много, что досчитав до ста двадцати, Антон остановился. Рядом с ними примостился остов полуторки с покосившейся кабиной. Со всех сторон машина заросла деревьями и тальником, поэтому просматривалась только в просветах кустов.

— Круто! — воскликнул Антон. — О таком я еще не слышал. Заброшенные поселки старателей — это как бы не в диковинку. Их хватает везде, по всей Сибири добывали золото, а чтобы встретить брошенную машину!..

Он был прав: увидеть технику в глухой тайге за сотни километров от человеческого жилья было нереально.

— Как же она сюда попала? — спросил Роман, с интересом слушавший разговор Антона и Дубовика. — Я думал, что в тайге еще не везде ступала нога человека, а тут, оказывается, на машине ездили.

Антон сам об этом думал и вслух стал рассуждать:

— На мой взгляд, проще простого: первопроходцы, назовем их так, пришли по реке, подготовили базу, а когда замерзли мари, пригнали технику, и приехали остальные. Лучше зимника дороги не придумаешь, а если мало снега, даже бульдозер не нужен: езжай себе взад-вперед сколько влезет. По зимнику, видать, и зков завезли. Хотя, как знать: может, притопали своими ногами. А когда отсюда

уходили, все самое ценное забрали — ну а то, что износилось или не смогли вывезти, бросили. Значит, эта полуторка не подлежит ремонту, — подвел он черту.

Из двух домов, которые показал Прохор, перегонщики остановились на одном, стоявшем в стороне от всех. Как только открыли дверь, в глаза бросился невообразимый беспорядок: повсюду разбросаны какие-то тряпки, изношенная обувь, грязная посуда, валялись окурки и пачки от выкуренных сигарет и папирос. Все говорило о том, что жившие здесь люди спешно покидали свое жилище. В большом пятистенке было две комнаты и небольшой закуток, служивший кухней. В ней стоял стол, три табуретки и короткая скамейка, покрашенные зеленой краской, на стене висел умывальник, рядом с которым валялось грязное ведро. В комнатах — железные печки, сваренные из бочек, узкие армейские кровати и самодельные столы, сколоченные из струганых досок. В комнате побольше вдобавок ко всему был еще крепкий письменный стол и фанерная этажерка. По-видимому, ее «слепили» на время, но она пережила постояльцев и теперь напоминала о тех днях, когда служила людям. На этажерке лежали покрытые пылью книги. Взяв первую попавшуюся, Дубовик прочитал: «И.В. Сталин. Краткая биография. 2-ое издание, исправленное и дополненное. 1947 год». Интересы она не вызвала, и он остановился на другой. Ей оказался краткий курс истории ВКП(б) за 1938-й.

— Ого, библиографическая редкость! — воскликнул он. — Каким ветром занесло такие фолианты в эту тмутаракань? Вот что значит идеология. Даже сюда проникли сталинские идеи!

Очередной книгой, оставшейся ему под руки, был «Анти-Дюринг» Энгельса. Александр бросил ее на полку и отошел.

— В этом доме явно жила семья какого-то руководителя, — сказал Антон. — Книжки классиков марксизма-ленинизма, письменный стол...

На стенах вместо обоев были наклеены газеты. От времени они пожелтели, но текст хорошо сохранился. Антон пробежался глазами по простенку и остановился на самой яркой странице какой-то старой газеты.

«Дальстроевец», — прочитал он про себя. Вверху над названием печатного издания красным жирным шрифтом курсивом было набрано: «Да здравствует 1 Мая», а под шапкой обычными заглавными буквами, но тоже красного цвета, в два ряда: «Боевой смотр революционных сил международного пролетариата», «Да здравствует великое и непобедимое знамя Маркса-Энгельса-Ленина! Да здравствует Первомай!»

На других стенах оказались наклеены давние «Советская Колыма», «Правда» и «Колымская правда». Главной темой этих газет была золотодобыча, о чем нетрудно было догадаться по коротким заметкам и солидным статьям с броскими названиями: «Чем больше металла, тем сильнее наша Родина», «Учетверим добычу золота», «Золото для нашей победы», «Добудем больше металла. Двухлетний план за год!»

Смахивая паутину, Антон провел ладонью по стене — газета по надрезу разорвалась, пальцы провалились в пустоту.

— Мужики, здесь какой-то тайник! — торжествующе вскрикнул Демин. — Смотрите, отверстие в стене — и, по-моему, там что-то белеет.

Все, не сговариваясь, подбежали к нему. Впечатление было такое, что они давно ждали чего-то необычного и наконец это свершилось. Дом, куда привел их Прохор, оказался с сюрпризом.

Антон оторвал газету, и перед ним открылась узкая щель, уходящая вглубь. Возможно, плотники, строившие дом, плохо проконопатили между бревнами, и там осталась пустота. А может быть, кто-то умышленно вытацил паклю и прорезал отверстие, служившее местом, куда он клал то, что не всем следовало видеть.

— Историческая минута, товарищи! — вскрикнул Стас. — Если там клад, мы разбогатеем!

Пошарив пальцами в узком отверстии, Антон ничего не нащупал. Зашелестела только какая-то бумага. С нескрываемым разочарованием он вытащил ее из щели. Это оказался сложенный пополам пожелтевший листок.

— Нам пришло письмо до востребования из прошлого. И кажется, это все...

Геологи выглядели разочарованными. Они явно ожидали увидеть что-нибудь ценное, спрятанное хозяевами от посторонних глаз. А это оказался всего-навсего листок из тетрадки в клеточку.

— Письмо от любовницы? — усмехнулся Антон. — Чужие письма вообще-то читать нехорошо, но это уже история. То есть своего рода исторический документ! Следовательно, мы имеем полное право с ним ознакомиться.

Он стал читать про себя, и его лицо изменялось на глазах. Вначале это было удивление, потом любопытство — и наконец, ужас.

— Ну что там? — подтолкнул его Дубовик. — Не тяни, прочти вслух.

Собравшись с духом, Антон стал тихо читать:

«Обстоятельства складываются так, что я вынужден оставить свой участок, которому отдал все. На рудном дворе и в штольнях полный порядок. Я предвидел, что так должно случиться, но не думал, что так скоро. Не дали дотянуть до весны. Я собирался домой...»

Не вините меня строго, я ни в чем не виноват, все, что я делал, делал честно. Я работал ради процветания своей страны, за которую не жалел жизни. Я знаю, комиссия приехала не для проверки моего участка, а из-за меня. Так было на «Сохатином» и «Шумном» со Степановым и Перовым. Мы последние из могижан — те, кто остался после расстрела директора гулаговского «Дальстроя» Берзиным. Вот, значит, пришла и моя очередь. Я не хочу погибнуть в сталинских застенках. Живым я им не дамся.»

Кравчук давно под меня копает и уже не раз грозился отправить за решетку. Это все от зависти. Он еще не нюхал пороха, его удел — следить за всеми и доносить своим хозяевам, а я прошел всю войну. Я оставляю все свои ценности здесь, на «Оборонном». Кравчук все равно их заберет, если меня посадят, или заберут такие же, как он, представляющие власть.»

Цинк с моим добром спрятан во второй штольне в 12 метрах от устья. С правой стороны под сводом (в верхней части трещины, рассекающей рудное тело Главной зоны).

23 февраля 1953 г.»

— К сожалению, подпись неразборчивая, — произнес Антон. — Внизу есть еще небольшая приписка:

«Если останусь жив, я вернусь. Холодно...»

Он замолчал, наступила тишина. Даже стало слышно, как возле дома лошади жуют овес и где-то далеко Прохор колет дрова.

— Вот тебе и письмо от любовницы! — нарушил молчание Дубовик. — Надо идти во вторую штольню, будем искать цинк. Надежды на его возвращение практически нет. Хотя — кто знает...

Антон фыркнул от негодования.

— Если бы он вернулся на «Оборонный», то забрал бы это письмо, — сказал он сердито. — А то видишь...

— Логично, логично. Нет, мужика, конечно, повязали. Ну куда отсюда убежишь? Тем более зимой. По-видимому, это его шмутки были разбросаны по всей долине Кыллаха. Схватили они его.

— Кто знает, может, и не его. Странно как-то: телогрейка, ботинки, — пожал плечами Антон. — Зимой в ботинках...

— Мужик, видно, от безысходности. По принципу: помирать так с музыкой, — не задумываясь о словах Антона, задумчиво произнес Роман. — Почему же он не подался на зимник? Там идти легче.

Дубовик сказал, что по дороге его бы сразу догнали и, чтобы сбить преследователей со следа, он, видно, двинулся в противоположном направлении. Так было больше шансов спастись.

— Ну да, наверняка кинулись его искать, им же хотелось его повязать, — заскрипел зубами Антон. — И, конечно, рванули на зимник, куда по логике вещей должен был податься беглец. И, наверное, подался. При таких обстоятельствах, какие были у начальника участка, он мог на чем-нибудь уехать. И все-таки они его догнали. Иначе он вернулся бы.

— Вот такой печальный конец этой истории, — будто подводя черту, грустно сказал Александр. — Впрочем, это только мои догадки. Будем думать, что все обошлось.

Звякнула на полу железка. Стас пнул валявшуюся под ногами кружку и с сосредоточенным видом, будто он ни при чем, сказал:

— Я не понял, в каком цинке он спрятал свой клад? И ради чего? Мог бы и с собой забрать. Продал бы...

— Эх ты, деревня! Чувствуется, не служил ты в армии, — засмеялся Роман. — Цинк — это ящик из-под патронов.

РАССКАЗ ОХОТНИКА

Когда устроились и приготовили обед, Дубовик позвал Прохора. Вместо рабочей спецовки, в какой он бегал до сих пор, тот надел толстый серый свитер с двумя смотревшими друг на друга оленями, вышитыми на груди, светло-голубую рубашку в мелкую клеточку, на ноги — калоши. Когда-то это были резиновые сапоги, а когда износились, голяшки отрезали. Теперь калоши служили чем-то вроде комнатных тапочек и даже выходной обувью.

В руках Прохор держал буханку хлеба и кастрюлю с малосольной рыбой. От запаха свежее испеченного хлеба у геологов побежали слюнки. Хотелось побыстрее отщипнуть хоть маленький кусочек от буханки и смаковать его, как что-то самое вкусное. Последний кусок черствого хлеба они съели несколько дней назад, а теплого — вкус забыли давным-давно.

Дубовик вытащил бутылку спирта, припасенную на урочный день, и с торжественным видом поставил на стол. Когда все успокоились, он сказал поставленным голосом:

— Товарищи, прошу внимания! Успокаиваемся! Открываю заседание выездного научно-технического совета Курунгюряхского полевого отряда. На повестке дня сегодня два вопроса: первый — это встреча на «Оборонном», и второй — знакомство с жизнью одноименного рудного участка. По первому вопросу выступает товарищ Дубовик, по второму докладывать будет товарищ Винокуров. Итак, слово представляется Александру Федоровичу Дубовику, то есть мне, — постучал он кулаком себя в грудь.

Прохор собрался в комок, на лице проскочила тень сомнения. Подумал, правильно ли он поступил, что пришел к незнакомым людям. Ведь геологи его даже не уговаривали, а просто позвали, и он сразу согласился. Теперь придется что-то докладывать. А о чем говорить? О том, что он тут вроде сторожа и коменданта? Причем добровольно исполняет эти обязанности. В его бытность не пропал ни один гвоздь, ни один кусок руды. Или, может, рассказать о том, как он тут живет один

как перст, как зимует и охотится. Стало заметно, что он волнуется. Только после того как геологи засмеялись, охотник немного отошел.

— Мы проделали значительный путь и наконец добрались до «Оборонного», — начал докладчик. — Думали, что здесь глухая тайга, где нет людей, а только бродят медведи и другие дикие звери, но мы глубоко заблуждались: на руднике живет охотник Винокуров, который надежно присматривает за хозяйством. Теперь нам предстоит выполнить определенный объем работы, и мы надеемся, что Прохор нам поможет. За доблестный труд и бережное отношение к социалистической собственности товарищу Винокурову объявляю благодарность. Ура-а-а!

Грянуло громкое «ура» и разнеслось по всему рудному участку. Улыбаясь, Дубовик открыл бутылку и, разбавив спирт водой, разлил по кружкам. Вначале выпили за неожиданную встречу, за знакомство, потом обменялись впечатлениями о рудном участке — и пошло-поехало. О своих сомнениях Прохор вскоре забыл: теперь он был счастлив, что оказался в приличной компании. С непривычки он быстро захмелел и стал рассказывать, как здесь живет. Охотник даже показал, как ставит петли и капканы на соболей, как ловит норку, недавно появившуюся в Беккеме. Дубовик больше слушал и молчал. Молчал и Антон, переваривая услышанное. Временами, словно со сна, Александр вздрагивал и другими глазами смотрел на рассказчика.

— Сашка, а как ты узнал об этом месторождении? — неожиданно спросил тот. — Оно же очень далеко в тайге, никто о нем даже не слышал, а ты его нашел и привел еще людей.

Было видно, что он удивлен, мысли о пришедших геологах не покидали его с момента встречи, а под влиянием Бахуса вырвались наружу. Очередь удивляться пришла Дубовику. Казалось бы, что за проблема найти старую базу, когда у тебя на руках точная топографическая карта, на которую она вынесена.

— Об «Оборонном» я узнал из отчета о результатах геологоразведочных работ на этом участке, — внимательно поглядывая на собеседника, сказал Александр. — А сюда пришел по карте. Кстати, это месторождение никогда не терялось, геологи о нем знают. Просто до сих пор не было необходимости в его посещении, а теперь время изменилось, появился интерес. Вот поэтому мы здесь. Как я сказал, есть отчет, в котором о нем все сказано. Отчет хранится в Якутске, в территориальных геологических фондах. У него есть инвентарный номер, по которому его можно найти и...

— В геологических фондах? — не выдержав, заерзал Прохор. — Что это?

— Что-то вроде библиотеки, откуда можно взять отчет для работы.

Было видно, что он удивлен не меньше, чем появлением незваных геологов, нарушивших его одиночество.

— Этот отчет у меня! — напрягся Прохор. — Понимаешь, другого нет и быть не может. А мой никто отсюда не выносил. Никогда. Все время я его берег как зеницу ока. А ты говоришь о каком-то там отчете, который хранится в каких-то ваших фондах...

На лице таежника появилась хитрая улыбка. Вот, мол, вывел я тебя на чистую воду. Меня просто так не проведешь. Хоть ты и городской, да и я не лыком шит. Дубовик быстро нашелся:

— Я тебя не обманываю, какой смысл в этом? Не веришь, не надо — это твое личное дело. Но я повторюсь: отчет о геологоразведочных работах, проведенных на этом месторождении, хранится в геологических фондах. В нем указаны все данные и приведены сведения о выполненных работах.

— Я не верю, — не сдавался Прохор. Было видно, что он начинает заводиться, и неизвестно, чем это может закончиться. — Если у тебя и есть какие-то там бумаги, то это подделка. Можешь не сомневаться. Единственный экземпляр секретно-

го геологического отчета у меня. Лучше скажи, кто вас навел на мою резиденцию? Об этом заброшенном поселке не знает ни одна душа. По крайней мере, никто из наших. Многие о нем слышали и хотели бы найти, да кишка тонка — ни у кого не получилось. Уж больно хорошо он запрятан. Как будто специально люди постарались. А вы, я вижу, ребята хваткие, — разочарованно сказал он, — нашли.

— Ну да, вятские ребята хваткие, семеро одного не боятся, — вспомнив сказку одного коллеги, вставил Антон.

Реакция Прохора была понятна. До сих пор он был единственным хранителем тайны, а теперь сюда пришли геологи, после которых об «Оборонном» узнают все. А главное — его, полноправного хозяина, попросят отсюда уйти.

— Раз вы уже здесь, я посвящу вас в свои секреты, — смирившись со случившимся, сменил тон Прохор. — Я уверен, вы не все знаете. Как вам, наверно, известно, возник этот поселок благодаря открытию геологов. Видно, такие же, как вы, шарились по тайге и накопили тут руду. Ну а дальше больше: пригнали сюда эков, и закипела работа. Это я от отца слышал, а тот от деда, — с чувством собственного достоинства Прохор посмотрел на Дубовика, что можно было понять так: видите, какую великую тайну я вам доверяю. — То, что я вам расскажу, пришло от моих предков, и до сих пор никто об этом не знает. Так вот, вначале эзки заготовили лес, построили дома для охраны и барак для себя, а потом начали бить вот эту штольню. — Он показал на ближайший отвал, серым покрывалом спускавшийся к реке. — Это штольня номер один.

— А ты как тут оказался? — в очередной раз налив в кружки, спросил его Дубовик, до сих пор не получивший внятного ответа на свой вопрос. Поэтому он не мог определиться, как относиться к рассказчику.

— Давно водку не пил, в голову ударило, — будто не услышав вопроса, начал Прохор о другом. — Крепкая, зараза! По осени я принес пять бутылок, давно выпил. Не ждал, не ведал, что сюда геологи забредут. Это, конечно, событие, которое надо отметить.

Дубовик разлил остатки, и сразу выпили.

— Ты спрашиваешь, как я тут оказался? — закусив своим малосолевым харисом, повторил рассказчик вопрос. — Это, ребята, долгая история. В общем, как я начал рассказывать, ниточка тянется от моего деда Петра Прохоровича. Хороший был мужик. Царство ему небесное, давно его уже нет на этом свете. Когда он преследовал подранка, забрел за границу своего промыслового участка. Изюбрь два дня водил его по тайге и, казалось, уже был в руках, но никак зверь не давался. Дед совсем обессилел, хотел вернуться назад, но упрямство пересилило. Упорно шел по следу, и вот в конце третьего дня догнал. Бык килограммов двести весом, рога, как корона, длиной около метра с шестнадцатью отростками. Голова коричневого цвета, шея серо-бурая, а спина и бока светло-серые с песчаным оттенком, на плечах и на хребте с буроватым. Вот какой был зверь! Ну словом, красавец — царь животных оленьего рода. Такого зверя дед никогда не видел. Говорят, изюбри водятся в Забайкалье и на Дальнем Востоке, а тот появился в наших краях. Как он сюда забрел, никто не знает. В общем, дед был безмерно рад удаче и собирался вернуться за ним с лошадей.

Разделял он, значит, изюбря, как положено: костерок развел, сварил печенку и язык в котелке. Как говорится, душу отвел и, можно сказать, поправил свое здоровье. На сытый желудок с чувством полного удовлетворения стал готовить ночлег. Как-никак третья ночь у костра и без всякого там куколя или какого-нибудь одеяла. Единственное, что его согревало, — мысли об обратной дороге. Думал, по прямой за полтора дня добежит... Значит, сидит он у костра, вокруг тишина, только слышно, как деревья потрескивают от мороза, и вдруг до него доле-

тelo одностoяние тарaхтенe. Как будo рaбoтает кaкoй-тo движoк. Тoчкe-в-тoчкe кaк элeктрoстaнция в пoселкe. Нo oткудa в глyхoй тaйгe вдaли oт нaселeнных пунктoв взяться этoй элeктрoстaнции? «Брeд кaкoй-тo! — пoдумaл дeд. — Тaкoгo быть нe мoжeт. Виднo, oт устaлoсти стaлo мeрещитьсe». Знaчит, дeд зaдумaлся, a сaм сидит ни жив ни мeртв, слyшaет. Стрaшнo стaлo. A тарaхтeньe нe прeкрaщaeтся и врeмeнaми дoнoсится тaк чeткo, будтo движoк рaбoтает гдe-тo рядoм.

Слoвнo вoйдя в пoлoжeниe свoегo дeдa, Прoхoр дaжe пeрeдeрнулсe. Oт тaинствeннoсти рaсскaзa вceм тoжe стaлo нe пo сeбe. Стaс зaeрзaл нa скaмeйкe и зaдeл сидeвшeгo рядoм Рoмaнa. Тoт oт нeoжидaннoсти вздрoгнул и oтoдвинулсe пoдaльшe.

— Пoслyшaл, знaчит, Пeтр Прoхoрoвич этo тарaхтeньe, — прoдoлжaл Прoхoр, — и oкoнчaтeльнo oпpeдeлилсe, чтo этo рaбoтает кaкoй-тo мoщный двигaтeль. Мoжeт, кaкиe-нибудь пришeльцы пoжaлoвaли, пoдумaл oн. Кaк рaз нaмeднeи Прoшкa прoчитaл фaнтaстичeскую книгy и рaсскaзaл eмy o пyтeшeствиях нa дрyгиe плaнeты. Вoт, знaчит, oн рeшил, чтo тaкиe жe вaряги прилeтeли сюдa. Oт этoгo стaлo сoвceм нe пo сeбe. Вдpyг, дyмaет, зaбeрyт eгo с сoбoй, и никтo oб этoм нe знaет. Кoнeчнo, oн слышaл o лaгeрях зaключeнных, кoтoрых нa Кoлымe былo пoлнo, знaл o бeсчинствaх, кoтoрыe чинятсe тaм нaд лyдьми, нo сaм лaгeрeй никoгдa нe видeл и зaключeнными нe встpeчaлсe. Тa стoрoнa жизни былa врoдe зaзeркaльe, кудa oн дaжe нe пытaлсe зaглeнyть. Зaкрaлись мoeмy дeдy мысли o чeм-тo тaйнoм, дaлeкo спрятaннoм oт лyдeй. Кaк ни былo стрaшнo, a рeшил oн вce-тaки рaзвeдaть, чтo жe тaм твoрится, чтo дeлaют эти пришeльцы. Кoe-кaк дoждaвшись yтрa, пoшeл в тy стoрoнy, oткyдoвa прилeтeл звyк рaбoтaющeгo мoтoрa. Пeрeвaлил, знaчит, нeвысoкий хрeбтик и пoпaл в дoлинy этoгo сaмoгo «Oбoрoннoгo». И с гoрy увидeл oн мнoгo дoмoв, кaк спрятaнных в тaйгe. Пoнaблoдaв с чaсoк, мoй дeд смeкнyл, чтo никaкиe тaм нe иноплaнeтaнe oбитaют, a пoсeлились лyди, нo живeт нe свoбoдный нaрoд, a нeвoльники, кoтoрых зaстaвляют рaбoтaть, a стoрoжит их oхрaнa. Тo eсть нaхoдится тaм лaгeрь зaключeнных. Кaк чeлoвeк сoбoрaзитeльный и oстoрoжный, дeд рeшил, чтo тудa лyчшe нe сoвaтьсe, a тo нeвзнaчaй мoжнo oкaзaтьсe зa кoлoчeй прoвoлoкoй рядoм с тeми нeвoльникaми. A oб этoм сaмoм «Oбoрoннoм» oн нaмoтaл сeбe нa yс и врeмeнa oт врeмeн стaл сюдa нaвeдывaтьсe. Пoсмoтрит, знaчит, с гoрy и дaльшe oхoтитсe. Кстaти, для дeдa oн был прoстo лaгeрeм зaключeнных. Этo тeпeрь я знaю, чтo рyдный yчaстoк нaзывaeтсe «Oбoрoннoм». Тaк вoт, пришeл oднaжды Пeтр Прoхoрoвич, a в пoсeлeнии никoгo. Слyчилось этo нe тo в кoнцe пятьдeсeт лeт, нe тo в нaчaлe пятьдeсeт чeтвeртoгo. Былa тaм, знaчит, лyди, рaбoтaлa тeхникa — и вдpyг никoгo. Вoкpyг нeoбычнaя тишинa, стoят пyстыe дoмa с oткрытыми двeрями дa кaкaя-тo мaшинa пoд нaвeсoм. Вoт тoгдa oн пeрвый рaз спyстился в этoт пoселoк. Тaк скaзaть, пoшeл нa рaзвeдкy. К счaстью, нa «Oбoрoннoм» никoгo нe oкaзaлoсь. Знaчит, пoзaкрывaли oни тyт вce, чтo нe смoгли увeзти, a сaми нoги сдeлaли. С тeх пoр этoт зaбрoшeнный пoселoк стaл врoдe личнoй рeзидeнции мoeгo дeдa. Естeствeннo, o нeм oн никoмy нe скaзaл. Вoзмoжнo, блaгoдaря этoмy Пeтр Прoхoрoвич yмeр свoeй смeртью и в прeклoннoм вoзрaстe. Гдe этoт зeкoвский лaгeрь, тaк никтo и нe знaл. Вoт вeдь кaк спрятaли eгo чeкисты. Дeд пoнял, чтo дoбывaли здeсь кaкoй-тo рeдкий мeтaлл, нo нe зoлoтo. И кoнeчнo, нe пoвeдaть сынy o спрятaннoм в тaйгe лaгeрe зaключeнных oн нe мoг. Привeл сюдa Прoшкy, тo eсть мoeгo oтцa, a тoт yжe пoкaзaл мнe. Вoт тaк вce этo врeмeнa мы хрaнили тaйнy. Пoкa вы сюдa нe пришлe, — пoсмoтрeл oн стрoгo нa Дyбoвикa. — Я дaжe вo снe нe гoвoрю oб этoм «Oбoрoннoм», пoтoмy кaк ктo-тo мoжeт знaть, нaчнyт хищничaть. A зaчeм этo нaдo? Я тyт врoдe eдинoличнoгo хoзяинa, стaлo быть, «Oбoрoнный» мoй. Вы пeрвыe, ктo пoпaл сюдa пoслe ликвидaции лaгeрe. Тeпeрь пoслe вaс мoжeт ктo-тo eщe прийти. A нe хoтeлoсь бы...

— Ну a чтo тyт тaкoгo?! — рaздeльвaясь с рыбoй, скaзaл Дyбoвик.

— А что хорошего? — в такт ему ответил Прохор. — Растащат все, что можно, сломают да еще вдобавок ко всему подожгут. У нас теперь ведь как принято: раз ничье — значит, все позволено. Сам знаешь, народ нынче не тот, что был раньше, ничего не берегут. Вот такая нехитрая история!

— И что, за все эти годы никого здесь не было? — с удивлением спросил Дубовик, все еще не определившийся, как отнестись к рассказу Прохора.

— Я уверен, что никто сюда не забредал, — бойко ответил тот, увидев, что его рассказ произвел должное впечатление. — По крайней мере, никаких следов присутствия посторонних ни я, ни мой отец не замечали.

— Да нет, геологи сюда заходили, — сказал Антон. — Были тут, когда составляли карту двухсоттысячного масштаба. Но это тоже было давно. По-моему, одним маршрутом здесь проскочили. По крайней мере, он показан на карте фактического материала, приложенного к тому отчету.

— Может быть, какие-нибудь залетные, вроде вас, и навевывались. Не спорю. Если бы я здесь жил постоянно, сказал бы точно. Главное — все осталось в том же виде, как было раньше. Я думаю, вы убедились в этом сами. Хотя вы тут впервые. Конечно, большинство домов пришло в негодность. Крыша не выдерживает снега, — уточнил он, — а провалилась кровля — весь дом пришел в негодность. Зато эзковским баракам и колючке с вышками хоть бы хны. Стоят как памятники той далекой эпохе. Впору даже проводить экскурсии, да вот только некому. Обидно! Но если посмотреть с другой стороны — может, и хорошо. Пусть люди не знают, как жили невольники.

От кастрюли малосоленного хариуса и буханки хлеба ничего не осталось, и геологи принялись за гречневую кашу с тушенкой.

— И что, круглый год ты здесь живешь один? — спросил Антон, думая, что всю свою сознательную жизнь человек связан с этим местом, которое стало для него родным.

— Да нет, что ты. Обычно я обитаю до весны, а как солнце начинает пригревать, подаюсь домой. Охочусь и понемногу рыбачу. Места тут, прямо скажу, заповедные, и зверь непуганый. Далеко ведь от Селеняха, а от других поселков еще дальше, поэтому сюда не каждый забредает. Да и зачем в такую даль забираться, когда добыть зверя можно и поближе к дому. Вот только в этом году мне не подфартило. Поэтому задержался, без мяса не захотел домой вертаться. Такого со мной никогда еще случалось. Даже в самые худшие годы чего-нибудь да добывал, а нынче как обрезало. По осени вот олень попался — и все. Как будто кто-то сглазил. А за что? Сколько себя помню, никому ничего плохо я не сделал. Видать, так боженька распорядился, чтобы я дождался вас. Не захотел он меня отпускать. Наверно, подумал: вы придете, а хозяина нет. Негоже так гостей встречать. Хотя теперь, как я понял, надо подумать, кто тут гость, а кто хозяин. Вот, видать, нашлись настоящие хозяева.

Он грустно посмотрел на ребят и замолчал. Была в этом взгляде какая-то боль и печаль. Установилась гнетущая тишина. В этот момент каждый думал о своем, но мысли крутились вокруг Прохора. А Дубовика мучил главный вопрос, на который хотелось получить ответ: бандит он или нет.

«Если он и есть тот самый беглый Тимоха, то свою роль играет лучше любого артиста. Говорит так складно, что не разберешь, где правда, а где ложь».

И все-таки он склонялся к мысли, что Прохор не злодей, убежавший от преследования, а обыкновенный человек, да вдобавок ко всему хороший охотник и увлеченный человек. И не задумываясь о последствиях, прямо в лоб спросил:

— Ты от кого-то тут скрываешься? Набедокурил в городе и сюда смотался?

Тот только пожал плечами, не зная, что ответить.

— Ты знаешь Огонёра?

Прохор кивнул головой.

— Да кто ж его не знает, — сказал он улыбаясь. — Он у нас в наслеге вроде вымирающего мамонта. Деду уже восемьдесят или около того, а он до сих пор не вылезает из седла, работает коневодом в совхозе. А раньше охотился и даже бывал в этих местах. Шарился где-то тут рядом.

— Так вот, он сказал, что ты сбежал из тюрьмы, — глядя прямо в глаза собеседнику, жестко сказал Дубовик. — В Селеняхе угнал двух лошадей и от ментов рванул в тайгу.

В один миг на лице Прохора прошла вся гамма чувств: от удивления до растерянности и страха. Не зная, что сказать, он даже открыл рот.

— Да ты что?! — наконец пришел он в себя. — Это бред какой-то. Я сбежал из тюрьмы?! У меня нет слов. Это брехня. Какая тюрьма? Я даже не знаю, как она выглядит. За что же это он на меня наговорил? Ну Огонёр, ну дед! — стал возмущаться Прохор. — Как будто ничего плохого я ему не сделал. Может, у него крыша поехала? И вы ему поверили?

Он посмотрел на Дубовика, обвел взглядом ребят, будто пытаясь понять, верят ли они ему.

— Нет, мужики, никакой я не бандит и никогда им не был. Он пошутил. Но пошутил, я бы сказал, даже очень жестоко. Увижу — я ему скажу, что думаю по этому поводу. Ну и ну...

Дубовик его остановил:

— Не похоже было, что он шутит. По-моему, он говорил на полном серьезе. Я не вижу смысла в таких злых шутках. Значит, что-то в этом есть. Сам знаешь, дыма без огня не бывает.

Вид у охотника был усталый. Геолог вывел его из равновесия, и тот медленно стал приходить в себя:

— Думаю, что он просто так на меня наговорил. Как я вам говорил, Огонёр в молодости тоже охотился где-то недалеко отсюда, и все время подкатывался к моему отцу, чтобы тот показал свою «резиденцию». Да мой батя, как и дед, был крепким орешком. Отказал. Возможно, поэтому он до сих пор сердится на всю нашу семью, и в отместку за отца прилетело мне.

Разговор сошел на нет, все поняли, что Прохор не обманывает, а стал жертвой какого-то нелепого наговора. Успокоившись, он снова стал рассказывать о вотчине, ставшей и его «резиденцией».

— Горными работами на «Оборонном» командовал инженер-геолог Рыжов. Это я знаю по тому отчету, который тут подобрал. Он его и написал. Толстый такой гроссбух. И чего там только нет!

— А как же он у тебя оказался? — не выдержал Антон, до сих пор не веривший, что секретный документ можно просто так где-нибудь найти. — Где же ты его подобрал?

— Да очень просто, в конторе валялся среди бумаг. В одной комнате, видно, был какой-то особый отдел, потому как на окнах стоят решетки и дверь обита железом. Потом я вам ее покажу. Здание конторы хорошо сохранилось, и тот кабинет совсем не пострадал. Так вот, прямо на полу там были разбросаны разные бумаги, геологические карты, а под ними этот самый отчет. Я вначале подумал, что это какая-то амбарная книга, и зафутболил под стол. Только на следующий год, когда пришел сюда снова, разобрался, что к чему. Там, кстати, еще валялись трудовые книжки. Много книжек. Зачем выкинули, до сих пор не пойму. Может, так же, как отчет, затерялись среди бумаг. Я представляю, что тут делалось, когда отсюда снимались. Бардак, хаос, беспорядок. Все перевернуто. Хотя, знаете, эти трудовые книжки были сверху, — вспомнил Прохор. — Это абсолютно точно. — Он закрыл глаза, его повело в сторону. — Тьфу ты, черт... Так вот, этих

книжек там было много, но сейчас ни одной не осталось, отец куда-то дел. Вам, наверно, интересно будет узнать, почему закрыли этот участок?

Этого можно было и не спрашивать. Каждый хотел узнать, что же тут случилось, из-за чего остановили работы и все ушли.

— Этой штольней, которую видно из окна, прошли по рудной жиле на сто шестьдесят четыре метра. А штольней номер два проследили не то ответвление от рудного тела, не то подцепили новую жилу, которую назвали Главной. Из отчета следует, что геологи так ни к чему и не пришли. Как я понял, нужно было провести дополнительные работы. Для того чтобы добыть оловянную руду, даже технику пригнали. Но месторождение, видать, оказалось слабеньким. Вон, видишь, когда отсюда уходило, бросили даже машину. Правда, она поломанная.

— Не в этом дело, — стал его просвещать Дубовик. — Это месторождение, как и многие другие, прикрыли после развала «Дальстроя», которому предшествовала кончина Сталина. А потом на Севере открыли другие, более богатые.

— Может, они хотели вернуться? — спросил охотник робко. — Об этом, правда, в отчете ничего нет. Сейчас я вам его покажу, как обещал...

Проخور вышел из-за стола и покачивающейся походкой направился к двери. Вскоре он вернулся с полной тарелкой копченого гольца и толстой книгой под мышкой.

— Вот смотри, это тот самый отчет, о котором я говорил. Только не рвать, — отдавая книгу, предупредил он Дубовика заплетающимся языком и сразу переключился на другое. — Этого гольца я наловил на том горном озере, где вы были. Ешьте, он вкусный, зараза, но ловить его — настоящее мучение. Водится на глубине, пока одного вытащишь, — пять сорвутся. Крючок плохо заглатывает, да еще и губы слабые.

Александр передал отчет Антону, а сам стал выяснять, как попасть во вторую штольню.

— Ни в первую, ни во вторую штольню ты не залезешь — вход напрочь затынуто льдом. Пробка на несколько метров, — Проخور развел руки в стороны. — Я сам давно там не был, да и нечего там делать — кругом сырость, на полу вода. Словом, ничего интересного: узкий тоннель, под сводом на входе стоит крепеж, чтобы не рухнула порода. Может, даже нет там никакой руды, а они написали, что ее хоть пруд пруди. Наверно, для того, чтобы рудник не закрыли. Я лично никакой руды не видел. Но откуда-то они ее гребли? Короче, о штольнях забудь, — добавил он, привалившись к стене. — Туда вы не попадете.

СЕКРЕТНЫЙ ОТЧЕТ

На вид отчет Проخورа ничем не отличался от десятков других, которые Антон просмотрел в геологических фондах. Толстая книга форматом с альбом. На светло-коричневой коленкоровой обложке наклеена этикетка с названием и авторами, в верхнем правом углу — гриф «Секретно» и рядом — «Экз. №1». Он подумал, что никакая это не единственная книга, как неверно понял Проخور, а просто первый экземпляр. А сколько их было отпечатано на самом деле, сказать невозможно, но то, что не меньше трех, Антон был уверен. По заведенным правилам один экземпляр оставался у исполнителей, второй — в экспедиции, а третий отправлялся в главное хранилище управления. Так было в настоящее время.

Открыв книгу, на титульном листе он прочитал, что отчет составлен в одном экземпляре. В шапке значилось: «МВД Дальстрой СССР, Колымская экспедиция». В центре: «Отчет о результатах геологоразведочных работ, проведенных в 1944–1953 годах на рудном участке «Оборонный»». Внизу стояло: «п. Оборонный, 1953 год».

Все сомнения сразу отпали: отчет был составлен в одном экземпляре. Возможно, это было вызвано банальным отсутствием бумаги или даже копирки, которой могло тут не быть. А может, как принято, сверху поступила команда. В отчете он увидел то, чего ему не хватало для полной характеристики месторождения. Как положено, там было введение, физико-географический очерк, глава о геологическом строении и полезных ископаемых. А самое главное, в нем были приведены результаты проведенных исследований и даже подсчитаны запасы по изученным рудным телам.

Антон был в восторге. И было от чего. Многое сразу стало понятно, автоматически снимался ряд вопросов, на которые не было ответа. Кроме того, отпадала необходимость в проведении площадного опробования. Он собирался отбирать пробы с поверхности, чтобы проследить рудные тела, а они, как оказалось, давно открыты и даже прослежены на глубину. В войну из них добывали касситерит, который отправляли на плавку. Результаты этих работ также были приведены в отчете. Задачи отряда значительно упрощались. Теперь надо было взять пробы только на кристалломорфологический анализ для изучения эрозийного среза рудных тел. Иными словами, надо было узнать, насколько глубоко они залегают. Бурение на месторождении не проводили, и в ближайшее время никто бурить не собирался.

Как сразу определил геолог, все работы следовало провести в штольнях, где были вскрыты жилы с касситеритом. Однако по словам Прохора, устья штолен были затянuty льдом, будто закупорены пробкой, и туда невозможно даже проползти. Вода, долгие годы испарявшаяся из подземных горных выработок, сделала свое дело. Несмотря на это Дубовик решил туда попасть, и одной из причин была записка бывшего начальника участка с неразборчивой подписью.

Антон внимательно проработал отчет и натолкнулся на описание трудностей, с которыми столкнулись авторы. В главе о результатах работ было сказано: «Отправка части проб на испытания чуть не сорвалась из-за отсутствия техники. Только благодаря ... удалось решить эту проблему. Он связался с главком, и пробы были отправлены с оказией и срочно проанализированы. Вскоре были получены результаты испытаний, которые приведены ниже».

По-видимому, там была указана фамилия какого-то руководителя, работавшего на этом руднике, потому что связаться с вышестоящим начальством мог только такой человек. Но его фамилию зачем-то закрашали фиолетовыми чернилами. Вероятно, речь шла об опальном начальнике участка, о котором нельзя было даже упоминать. Несмотря на то, что отчет был секретным, текст тщательно проверялся особистами, следившими за тем, чтобы в него не попали неположенные сведения.

Антон со свойственным ему упорством взялся расшифровать закрашенную фамилию. Как он сразу определил, меньше всех пострадали три заглавные буквы, возвышавшиеся в строке. Когда вымарывали, видно, ориентировались на высоту строчки с текстом. Чтобы чернильный прямоугольник не поднимать выше строчных букв, прописные подчистили чем-то острым. Но при печати они основательно продавили бумагу, и Антон без труда разобрал буквы «С», «В», «Т». Сразу стало ясно, что замазанная фамилия начинается с буквы «С», а имя и отчество — на «В» и «Т». Фамилия состояла из семи букв, причем была в дательном падеже, значит, оканчивалась на «у». Антон предположил, что это какая-нибудь распространенная русская фамилия вроде Иванова, Петрова, Сидорова. Все они оканчивались на «ов». Получалось, С...ову, и лучше других подходил Сидоров. На нем можно было остановиться, но Антон решил убедиться в правильности своего предположения. С набором из четырех букв можно было долго гадать, перебирая разные варианты, и ни к чему не прийти. Помогла лупа. В середине фамилии стояла

буква «о», которую он определил по аналогии с окончанием. К счастью, шрифт печатной машинки был далек от совершенства: «и», как многие заглавные, сильно продавливала бумагу. Так появилась очередная буква закрашенной фамилии, стоявшая за «С». Оставалось совсем немного: заполнить всего две пустые клеточки в слове Си...о...ову. Но, как нарочно, на ум ничего не шло. И вдруг откуда-то издали, будто из трубы, до него донеслось: СИМОНОВ.

— Ну конечно, Симонов! — радостно воскликнул Антон. — Чего я голову ломал? Все так просто, а я просидел битый час. Это все перегон... Значит, под чернилами напечатано: «Симонову В.Т.»

Еще не прошло радостное настроение от успеха, как в голове лихорадочно закрутилось: «Симонов», «Симонов»...

«Где-то я уже слышал эту фамилию, причем недавно...» — поймал он себя на мысли, лихорадочно соображая, где же это было. И тут Демин неожиданно вспомнил, что о некоем Симонове говорила Татьяна, когда рассказывала, как попала в Якутию. Майор Симонов — ее родной дядя. Ну и что! Да мало ли однофамильцев.

С большой долей вероятности можно было сказать, что фамилия начальника участка — Симонов, и он же был объявлен врагом народа. Геологи предположили, что Симонов и человек, оставивший письмо в тайнике, — одно и то же лицо. Но о его судьбе в тексте не было ни слова.

Своим открытием Антон поделился с Прохором и рассказал, как помог его отчет. Понимая, насколько он важен для дальнейшего изучения «Оборонного», охотник со вздохом подарил его геологам.

— Будете читать, вспоминайте меня! — сказал он, принимая крепкие рукопожатия Антона и Дубовика. — Для вас сберег, а могли бы им печку растапливать. Дед и батя все время на него покушались. Говорили, зачем под себя яму копать, бумага хорошо горит...

— Что ты будешь делать с этим отчетом? — спросил Дубовик Антона, когда они остались одни. В ответе он несколько не сомневался, но у него были свои соображения насчет секретного документа.

— Возьму с собой, а в городе сдам в геологические фонды, — сказал Демин не задумываясь. — Ты же знаешь, что этого отчета как раз там и не хватает. Оказывается, тут проведены такие масштабные работы, а мы об этом даже не подозревали. Да не только мы — никто об этом не знает. А все из-за того, что подлинный отчет потерялся и в свое время не попал на полки хранилища.

Александр распрямылся и, скрывая накотившее вдруг раздражение, через силу улыбнулся.

— Я понимаю, ты хочешь быть джентльменом. Сдашь отчет в геологические фонды, и с ним будут работать геологи. Предположим, они многое из него почерпнут и даже продвинули науку вперед. Или, скорее всего, благодаря полученной информации, восстановят этот рудник и начнут добычу касситерита. Конечно, ты поступаешь как настоящий патриот и специалист, болеющий за свое дело. Только никто поступок твой не оценит, благодарности ты не получишь, а будет все наоборот: из-за этого отчета у тебя возникнет много проблем. И самое неприятное, что последствия могут отразиться на твоей карьере. Мой тебе совет: не связывайся с ним. Выпиши оттуда, что тебе надо, и верни Прохору. Как-то обходились без него, обойдемся и в дальнейшем.

Антон подался вперед, посуровел. Казалось, еще слово — и он сцепится с Дубовиком.

— Саша, да ты что?! Да ты... в своем уме? — С языка Демина сорвалась пара хлестких слов, но он их даже не заметил. — Ты хочешь, чтобы я его бросил? Да ни за что на свете! Пусть лучше меня уволят или даже посадят, но отчет я не верну Прохору. Понимаешь, он нужен не только мне, он необходим для будущих работ.

Без него мы потеряем дорогое время. Я не говорю о больших материальных затратах, которые потребуются, если придется проводить повторную разведку.

Дубовик помрачнел. Связываться с секретными бумагами он не хотел. По жизни был научен, а еще больше наслышан о выволочках, устраиваемых чекистами за несоблюдение режима секретности.

— Ты даже не подозреваешь, какую головную боль наживешь. Отчет закрытый, на тебе не числится. Сразу спросят, где ты его взял? Скажешь, что тебе отдал Прохор? Тогда ты подставишь мужика — его начнут таскать по разным кабинетам, и неизвестно, чем это закончится. Но я больше чем уверен — спокойной жизни ему не видать. Мужик прилетит и этот рудник, и все прочее. Он сделал нам добро, а вместо благодарности получит хуже фиги. Скажешь, что нашел отчет в заброшенном поселке, — не поверят, возникнет много вопросов, на которые у тебя нет ответов.

— Как нет? На все вопросы я отвечу. Не поверят, пусть прилетят, посмотрят «Оборонный» и разбираются на месте.

Понимая, что Антон от своего не откажется, Дубовик продолжал давить. Хотя его пыл постепенно спадал, он все еще пытался найти какие-то новые аргументы и убедить коллегу.

— В этом отчете, будь он неладен, названы запасы руды. Так что по теперешней инструкции он автоматически попадает в разряд «совершенно секретных». Это еще страшней. Как только ты сдашь его в хранилище, специалисты проведут экспертизу и повысят уровень секретности. А вот тут уж, Антон Викторович Демин, вас по головке точно не поглядят. Устройте вам разборку с пристраемич. К таким документам предъявляются более жесткие требования. А у тебя и допуска к ним нет.

Антон это знал. Почти все геологические отчеты, которые составлял шеф, проходили по этой категории. Всего-навсего одна таблица с запасами руды, которую он вставлял в текст, повышала статус секретности. Из-за этого научно-технический совет по защите отчета проходил за закрытыми дверями.

— А первое, что тебе скажут, — вдруг осенило Дубовика, — почему сразу не сообщил в экспедицию! Ответа у тебя нет, и вот тут, как говорится, пошло-поехало. У тебя спросят: «Кто кроме тебя видел секретный документ, где ты его хранил и так далее?» Ты ответишь, что все видели. Начнут нас прорабатывать, и сразу выяснится, что у рабочих вообще нет допуска к секретам.

— Я скажу, что работал с ним один. Спрятал в свой рюкзак и никому не показывал.

— Не смей! Живем в одной палатке, и никто не видел отчета? Это несерьезно. Нас затаскают!

— Ты хочешь сказать, что от этого отчета никакой пользы, кроме вреда. А что ты предлагаешь, как можно сдержать накат гэбэшников?

Александр на секунду задумался и, махнув рукой, выпалил:

— Ну, раз ты меня не слушаешь, я умываю руки. На мой взгляд, надо дать радиограмму с сообщением, что в заброшенном поселке рудного участка ты нашел такой-то отчет с грифом «секретно». Отчет в хорошем техническом состоянии и т.д. Этим ты хотя бы подстрахуешься и заявишь о секретном документе. Ну и снимется часть вопросов, которые тебе обязательно зададут чекисты.

На следующий день на имя Дубовика пришла радиограмма следующего содержания:

«На вашу р/д № 31/91-06 сообщаем двт отчет Рыжова зпт Кочетова поставлен на баланс геологических фондов зпт инвентарный номер 012372 тчк На время полевых работ отчет передан Демину Антону Викторовичу во временное пользование согласно подписке спецчасти тчк Начальник экспедиции Иванов тчк».

— Радуйся! — прочитав радиogramму вслух, сказал Дубовик Антону. — Теперь за этот отчет ты отвечаешь своей головой. Потеряешь — будешь иметь большие неприятности. Как говорят, не ймала баба хлопоту, та й купыла поросю.

Судя по результатам работ, некогда уже проведенных здесь, основные запасы руды были сосредоточены в той жиле, по которой прошла первая штольня. Вкрест простирания жилу пересекли рассечками на всю мощность. Изучена она была довольно хорошо, поэтому начинать надо было с нее. Однако в войну жилу прилично отработали и кое-где выбрали породу даже там, где не было руды. Из-за этого, к великой радости Дубовика, пришлось остановиться на второй штольне, которую прошли по Главному рудному телу.

В горе зияли устья двух штолен, расположенные напротив, а над ними шапкой свисала оплывшая порода с зелеными кустами стланика. Казалось, в любую минуту порода сползет вниз и придавит любого, кто только приблизится. Осмотрев склон, решили расчистить оползень. Прохор привез в тачке топоры, совковые лопаты и пару ржавых ведер. Дубовик нашел короткие шестигранные ломы для горных работ и кайла. Сначала взялись за крепление навеса над первой выработкой, где осыпь продвинулась дальше. Со свежими силами дело пошло на лад, и в конце дня надежные козырьки стояли над устьями обеих штолен.

— Осталось совсем немного — начать и кончить, — вытирая пот с лица, сказал Антон. — Лед долбить — это не породу рубить, одолеем в два счета.

— Ну-ну, — улыбнулся Дубовик, — везде есть свои сложности. Хорошо, если его немного...

Откровенно признался в том, что будет трудно, он не хотел. Можно было раньше времени испортить всем настроение.

— Ох и влипли мы в историю! — ахнул Стас, явно хотевший как-нибудь отлынить от каторжной работы. — Иллюзорный факт получается, я на это дело не подписывался, а приходится пахать. Это же не входит в мои функциональные обязанности. Что я, горняк?

Дубовик заговорил о задачах, стоящих перед отрядом, и в конце добавил:

— Не переживай, это не самодеятельность какая-то, а твоя непосредственная работа. Хотя ты и не горняк, но нам надо попасть в обе штольни. Никто даже не предполагал, что здесь есть подземные горные выработки, поэтому ориентировались на канавы. А теперь задача несколько изменилась, поэтому рудные тела будем изучать в штольнях.

— Ладно, разве что ради клада... — смирившись со своей участью, согласился парень. — Мужик явно не знал, что клады обычно не прячут в каменоломнях и подземных горных выработках, поскольку время от времени они имеют свойство обваливаться. Вот так можно безвозвратно похоронить свои сокровища. Не мог найти лучшего места! Теперь ковырайся тут из-за него.

— С этим кладом, Стасик, особый случай. Штольню он знал как свои пять пальцев и лучшего места не мог даже представить. Думал, что за своими сокровищами скоро вернется — и, конечно, даже в мыслях у него не было, что это случится через десятилетия. И что за ними придут уже другие, то есть мы.

Распределив обязанности, с утра приступили к работе. Кто-то один махал топором или кайлом, а все остальные выносили лед в отвал. Под ногами — вода и ледяная крошка, сапоги скользят, хоть на коньках катайся, но дело спорится. Кайло переходит из рук в руки, в разные стороны летят куски льда, а стена стоит, как неприступная крепость. Кажется, пробить ее невозможно. Противоположный склон горы заиграл закатным багрянцем.

Роман с грохотом бросил ведро и разогнулся:

— Ну, мужики, сейчас мы вытащим покойников и будем размораживать. Как оживим, они расскажут о былых здешних порядках...

Вокруг тишина — каждый сосредоточенно работает, думая, когда же появится долгожданная дыра. Наконец метра через два показался столб.

— Значит, уже совсем рядом! — обрадовался Дубовик и, потирая руки, подскочил к Антону, рубившему лед. — Ты принес нам добрую весть — тебе и представим право быть первопроходцем.

Кажется, вот-вот будет конец тоннеля и появится «свет», но ледяная пробка не кончалась. Только на следующее утро открылась черная пасть подземелья. Точно из могильного склепа оттуда потянуло холодом. Внизу пластом лежал голубой лед, а сверху висели толстые сосульки.

Расчистив проход, Антон ползком забрался внутрь. Осветил вокруг фонариком. Длинным коридором штольня забиралась в глубь горы, стены и свод покрывала изморозь. Возле устья порода была скована крепью, кончавшейся через десяток метров. Показались рельсы узкоколейки, по которым толкали вагонетку. Убедившись, что горная выработка не завалена, он позвал ребят. Гуськом двинулись вглубь. Изморозь скоро сменилась сыростью, под ногами заплескалась вода. Глухим эхом шаги отдавались в пустоте длинного коридора, луч фонаря осветил стены, скользнул по своду. Радугой заиграли капли, висевшие на стенах и своде. Антон провел молотком над головой — вниз полился дождь, окативший как из ведра.

— Бр-р-р, — поежился он от закатившихся за шиворот капель. — Как люди выживали в таких условиях? Сырость...

— Этих людей сюда загоняли штыками... — отозвался Дубовик.

Перед горной выработкой, уходящей в сторону от главного коридора, Антон остановился.

— Пришли. Сворачиваем и считаем шагами.

На двенадцатом метре он повернулся к стене. С обеих сторон горной выработки косяя трещина рассекала монолитную толщу породы. По краям разлома белел кварц, в середине вертикальной стены зияла пустота, забиравшаяся в глубь. От света фонаря кварц заблестел, осветилась серая стена. Под сводом горной выработки показалась жестяная коробка защитного цвета.

— Цинк! — невольно вырвалось у Дубовика, потянувшегося к коробке. — Не обманул нас Симонов, точно он тут что-то спрятал. А то у меня были разные мысли по поводу его письма, но, думаю, если ничего не найдем, не беда — нам все равно надо в эту штольню.

В жестяной коробке оказался серебряный портсигар и два свертка. Один был толще и завернут в шинельное сукно, второй — поменьше, обернут плотной бумагой. Дубовик развернул увесистый пакет, перетянутый медной проволокой. В свете фонаря заблестели ордена и медали, лежавшие в красной коробочке.

— Ого, это же награды! — с удивлением воскликнул Александр, ожидавший увидеть что угодно, но только не это. — Вот, оказывается, что хотел забрать чекист Кравчук. А сколько орденов! Надо же, Орден Трудового Красного Знамени, Боевого Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, семь медалей. Одна из них «За взятие Вены». Круто! Видно, этот Симонов был не обычным рядовым пехотного полка. Орденом Трудового Красного Знамени в то время награждали за особые заслуги перед Родиной. Простым смертным его не давали. Да, впрочем, любую государственную награду надо заслужить, ну а за боевые ордена и медали люди кровь проливали. У моего отца тоже было два ордена Красной Звезды. Эти награды я помню еще с детства... А вот наградной знак, о каком я и слыхивать не слышал! «Отличнику дальстроявцу»!

Значок был большим и покрыт разноцветной эмалью. Правильной овальной формы с немного выступающим красным знаменем, развевавшимся вверху, и такого же цвета накладкой с буквами СССР — внизу. Возле дровка, в левой части

развернутого красного знамени, выделался серп и молот, а рядом золотыми буквами написано «Отличнику дальстроявцу». Сбоку к древку шла выпуклая надпись «ГУСДС НКВД», выдавленная на сером фоне.

— Представляете, значок номерной. По-моему, он не менее ценен, чем боевые награды.

«Значок ценнее любых наград, — подумал Антон. — Кстати, я где-то уже слышал что-то такое. Кто-то говорил на эту тему и, по-моему, совсем недавно...»

И вдруг до него дошло, что это и есть тот самый значок, о котором говорила Татьяна, когда рассказывала о своем дедушке, больше всего ценившего именно эту награду.

«Значит, здешний Симонов ее дедушка? Это он руководил “Оборонным” и пропал без вести? Это его награды...»

В газетной бумаге действительно оказались удостоверения к наградам, выпущенные на имя Симонова Василия Трофимовича. На крышке портсигара было выгравировано:

«Капитану В.Т. Симонову за доблестную службу в рядах Советской Армии от командования полка».

— А где же клад? — разочарованно хмыкнул Стас. — Я думал, здесь настоящие сокровища, а тут какая-то туфта.

— А это разве не клад?! — едва сдерживая раздражение, вскрикнул Антон. — Ценность этих наград больше любых сокровищ!

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ВСТРЕЧА

Поздно вечером к геологам пришел Огонёр. С дороги он устал и заметно осунулся. Загоревшее скуластое лицо, казалось, стало еще темней, чем было, на лбу выступили морщины, щеки провалились, нос распух и стал похож на картошку. Живыми были только глаза, игравшие озорными огоньками. К седлу его коня были привязаны две лошадки поменьше ростом, нетерпеливо стоявшие под тяжелыми вьюками.

— Я знал, что встречу тебя, — с довольной улыбкой радостно сказал он Дубовику. — Большой вода шибко. Ходил за лошадка, от табун отбился. Видать, пошел за тобой, на след стал. Искал долго и нашел далеко от свой табун. Поймал я лошадка и дай, думаю, геолог догоню. Справлюсь, как они там. Болит душа за тебя, Сашка, — он дотронулся до груди и даже прослезился. — Шибко мало продуктов ты взял. А тут еще вода плохой, прет, как в паводок. Еле Хатыстыр перешел. В другой раз не полез бы в такой речка, а сейчас, думаю, идти надо, а то геологи чего доброго пойдут Курунг-Юрях. Большой беда может случиться. Спешить не надо, надо ждать, когда вода успокоится.

Дубовик, как и все, был поражен приходом старика. Казалось, они забрались в такую глухомань, где не ступала нога человека. Ведь они шли по горам, горным рекам и болотам, преодолели более двухсот километров.

— Иван Васильевич, как же ты нас догнал? — не мог успокоиться Александр. — Это просто невероятно! Надо же, ты нашел нас в тайге! Это практически невозможно, а ты ...

— Наша жизнь все возможна. Ты по земле ходишь, и я по земле хожу, иду, следы читаю. А еще я знаю, где дорога короче. Здесь, однако, не шибко далеко. От последний наш табун верхом я шел четыре день, может, маленько побольше — пять. Да вот охота задержала. Я уже не могу идти так скоро, как раньше: сам видишь — мой конь стал шибко старый, и я маленько сдал. Сашка, время летит, ой как быстро! — закачал он головой и тяжело вздохнул. — Не успел оглянуться, а уже жизнь прошла. Люди и так говорят, что я старый, как мамонт. Ну какой я мамонт?!

Он вдруг нахмурился и резко замолчал. Было видно, что при мыслях о возрасте ему стало не по себе.

— Давай, развьючивай лошадка. Мясо я привез, — тряхнув головой, засуетился он неожиданно. — За перевал сокжой завалил. Однако не шибко жирный этот олень, еще даже не весь полинял. Зато трехлеток, мяса всем хватит. Весь тушенка небось съел?

Возле костра Дубовик рассказал, что они потеряли часть продуктов и остались без двух лошадей. К удивлению геологов, Огонёр отнесся к этому спокойно.

— Один лошадка со сломанной нога я видел на камнях. Кажись, Маган. Однако туда медведь пришел и мертвый растерзал, вокруг ворон летал. Что поделаешь, кто пропал, того не воротишь, — махнул он рукой, будто отгоняя стоящую за спиной смерть. — Главное, чтобы люди не пострадал. А жизнь все равно продолжается, — закончил он философски.

Как бы между делом, Дубовик сказал, что они встретились с бандитом и в перестрелке едва не убили друг друга. Старик сразу напрягся и перестал есть. Было видно, что занервничал. А когда Александр упомянул имя того бандита, вскочил с места и запричитал:

— Вай-вай, ты встретил Тимоху?! Как же так! Тайга такой большой, а ты его нашел... Тимоха сапсем не бандит, он хороший человек. Тюрьма никогда не сидел. Да и не Тимоха он вовсе... Охотник, Прохор, и отец его был охотник, мой друг. Тоже хороший человек. Вай-вай, как нехорошо получился! Кто знал...

— А зачем ты нас обманул? — строго сказал Дубовик. — Ни за что ни про что оговорил честного, ни в чем не повинного человека. Сказал, что он бандит, сбежал из тюрьмы. А я, как последний болван, поверил! — Дубовику стало не по себе. — Хорошо я вовремя понял, что он не бандит, а то, сам понимаешь, что может случиться, когда в тайге встречаются вооруженные люди. Нам повезло, все обошлось без стрельбы, и мы расстались друзьями. Да еще он угостил нас соленой рыбой и хлебом. А самое главное — подарил старый геологический отчет, который хранил всю жизнь.

Александр спохватился, что сказал лишнее, а потом подумал, что дед все равно никому об этом не скажет, а если и хвастанет, то не велика беда. Главное не упоминать, что он секретный. Слово «секретный» говорило о какой-то страшный тайне — одним внушало страх, а другие проявляли чрезмерное любопытство.

— Не хотелось ему с ним расставаться, это вроде как память, то есть связь с ушедшими из жизни отцом и дедом, — продолжал он. — Но Прохор понял, что эта книга нам нужна, и отдал. Видно, потеряли ее геологи при ликвидации разведучастка, а он вернул. В общем, Прохор — мужик что надо.

На старика этот разговор произвел сильное впечатление и основательно его встряхнул, после чего он долго не мог прийти в себя. Постепенно Огонёр успокоился и присел на колоду.

— Я хотел, чтобы ты не расслаблялся, вот и придумал Тимоху-бандита, отца его... — начал он хриплым голосом. — В тайга, сам понимаешь, все бывает: медведь бродит, плохой человек ходит, поэтому все время надо быть начеку. Я не думал, что ты его найдешь, ведь тайга такой громадный. Прохора не хотел наговаривать, он хороший человек. Лошадка не занимается, но промышляет охота, рыба ловит. Теперь ты сам знаешь. Просто я сказал первое, что пришел в голову. Так получился. Разговор о нем был в деревня, люди говорил, что Винокуров не вернулся зимней охота. Обычно рано приходил, а тут до сих пор нет. Где искать, никто не знает. Вот я вспомнил. Как будто кто-то меня толкнул. Я понимаю, нехорошо получился. Прости.

Старик замолчал. Стало слышно, как шумит река и где-то рядом ходят кони.

— Да что ты, что ты, — замахал руками Дубовик, разобравшийся в причине

наговора Огонёра. — Все нормально, как говорят, и на старуху бывает проруха. Я понял, что ты без злого умысла.

— Увижу Прохора, скажу, как было, — поняв, что геолог не держит на него зла, облегченно вздохнул Огонёр. — Скажу, что не хотел обидеть. Думаю, он меня поймет. Прохор хороший человек, хороший, — стал повторяться он.

Теперь Дубовику стало неудобно перед стариком, не державшим зла на своего односельчанина, и, чтобы загладить неприятный разговор, он сказал:

— Батя, я понял, что про Прохора ты сказал только ради нашей безопасности. Конечно, ты немного нас напряг и заставил поволноваться, но от этого есть даже польза. Вон Антон руду нашел, — показал он на геолога, — да в таком месте, куда мы и не собирались идти. Но эта отдельная история, с которой уже разобрались. Главное, что все хорошо закончилось... А ты молодец, еще и мяса нам добыл. Ребята, видишь, какие здоровые! Им мясо подавай, а по дороге, как нарочно, ни одного зверя, я даже не видел свежих следов. Думал, что никого здесь нет, а нет, ошибся. Как тебе удалось подстрелить сокжоя? Ты настоящий охотник!

Довольный похвалой, старик засмеялся. Не каждый день он слышал добрые слова, чаще ругали или просто молчали, не замечая того хорошего, что он делал.

— Тайга хоть громадный, а зверь водится не везде — места знать надо, — произнес он с важным видом и посмотрел на Дубовика, как учитель смотрит на двоечника. Что же, мол, ты идешь и даже следов не видишь, а зверя вокруг тебя полно. И будто смягчившись, сказал: — Чтобы зверь добыть, большой опыт мало, еще надо маленько везенья. Будь ты хоть самый лучший охотник, а если чтой-то не пойдет, не получится охота. То зверь не подпустит близко, то ружье осечка даст...

— Значит, ты удачливый охотник, раз тебе так везет, — не заметив его взгляда, подбросил очередной комплимент Александр. — Кстати, я в этом почему-то не сомневался. А Шарик твой немного подрос, вижу, будет из него толк. Еще щенок, а уже все соображает — и по банкам лазить не промах. Только некогда было его натаскивать, да и, если честно, по собачьему делу мы учителя никудышные. Дай Бог со своими лошадьми разобраться.

В костер подкинули дров, пламя устремилось вверх, осветив сидевших. Стас задумчиво таращился на небо с мерцающими звездами, словно искал ответ на мучившие вопросы. Роман смотрел на огонь и прислушивался к звукам ночной тайги и шуму бурной горной реки. Видно, рассказ старика задел какие-то далеко спрятанные мысли, и теперь их надо было обдумать. Антон поежился как от холода и, тряхнув головой, сказал:

— Мы нашли награды и портсигар начальника рудного участка капитана Симонова. В войну он руководил разведкой. Боевой офицер, прошел всю войну, а его загнали в угол: хотели посадить, как и многих других безвинных людей. От безысходности капитан ушел в тайгу, и там, наверно, погиб. А в доме, где жил, спрятал прощальное письмо. Написал что-то вроде завещания, — уточнил геолог. — Благодаря этому письму мы разыскали его ордена и медали. Теперь обязательно найдем его родных и передадим им награды. Уже есть кое-какие зацепки, но говорить об этом пока я не буду, надо проверить. За мужика обидно: такой заслуженный человек, и так закончилась его жизнь.

Огонёр сказал, что в молодости слышал о каком-то беглеце, который скрывался в их селе. Люди говорили, будто он совсем не заключенный, а даже какой-то начальник, но вынужден прятаться от чекистов. Был ли это капитан Симонов, или кто-то другой, старик не знал.

— Только потом его все равно забрали, — сожалел о случившемся, произнес он грустно. — Видать, кто-то заявил. За ним чекисты приехал аж из город и ночью арестовал. Значит, точно был большой тойон.

Дым от костра пополнил ввысь и сизым облаком растворился в ночном небе. Над рекой повис едва различимый молодой месяц. Где-то рядом ходили лошади.

— Да, Иван Васильевич, — сбросив оцепенение, нарушил молчание Антон, — жизнь — сложная штука. Главное, после себя надо оставить след на Земле, чтобы о тебе вспоминали добрым словом. — Он поворошил огонь, искры снопом взвились вверх, пламя озарило задумчивые лица ребят. Дубовик кивнул головой и молча встал. Вскоре он принес бухту возовой веревки.

— Вот, возьми на память. Теперь я уверен, нам хватит до конца сезона. Осенью вернусь домой, отправлю тебе новое кавалерийское седло, а то твое, я вижу, требует замены.

К утру с реки потянул туман. Молочная пелена расплзалась по сторонам, медленно накрывая тайгу и горы. Будто играя, легкий ветер клоками растаскивал туман, и вскоре в просвете показалось голубое небо, ярко засветило солнце. Антон стоял у палатки, думая о предстоящей переправе. Вода в реке упала, отступив от берегов и обнажив косу. На перекате выглянули громадные валуны, и их лениво лизали накатывающие волны. По всему берегу разбрелись лошади. Только Серый и какой-то рыжий незнакомец стояли на виду. Присмотревшись, Антон узнал жеребца, который рвался в загон, когда коневоды пригнали им лошадей.

— Надо же, добился своего! — невольно вырвалось у парня.

Подошел Огонёр. Он отдохнул и выглядел заметно посвежевшим. Можно было подумать, что за его плечами не было длинного перехода по тайге.

— Сегодня будет хороший погода. Переходить надо вот здесь, — старик показал на два больших валуна, лежащих на берегу перед устьем Хатыстыра. — Может, тут будет маленько глубже, чем на перекате, зато не так опасно. Пойдем, я тебе дам хороший верховой лошадка, — позвал он парня. — Сашка сказал, что ты один остался без своего коня.

Когда подошли ближе, Антон узнал Тойона. Старик погладил его по шее и слово пропел:

— Здоров, Тойон! Я так давно тебя не видел. Мой хороший лошадка, ты сапсем похудел.

Признав своего, конь потянулся к старику и стал тереться о руку.

— Тебя здесь не обижали? Нет, я знаю, ты в обиду себя не дашь, — сказал он с гордым видом, — ты очень умный лошадка. Тебя надо любить, тогда ты будешь хорошо работать. Я знаю...

Так, поглаживая лошадь, он еще долго говорил с ней по-якутски. Потом, покормив овсом, старик надел на нее седло и быстро сел. Тойон, степенно потоптавшись на месте, послушно пошел вперед. Проскакав галопом до болота, старик вернулся назад и спешил. Антон был поражен: конь, который всю дорогу ерепенился, легко подчинился старику. Это было сродни какому-то волшебству, которым владел этот опытный коневод.

— Садись! — позвал он парня. — Сейчас Тойон пойдет.

Когда солнце вышло из-за горы, а вода в реке снова начала прибывать, геологи благополучно перешли на противоположную сторону. Старик остался один. Долгим взглядом провожал он растянувшийся караван, быстро уходивший вниз по реке. К вечеру перегонщики были уже на базе.

ПЕСНИ У КОСТРА

На базе после бани геологи собрались за длинным столом, накрытым по случаю встречи.

Над столом был натянута брезент, перекинутый через длинную жердь и закрепленный на четырех длинных растяжках. Посередине стола стояла большая ско-

ворodka с жареной олениной, в мисках лежал соленый ленок и копченый хариус, свежеепеченный хлеб горкой возвышался над двумя бутылками водки. Возле каждого стояла эмалированная кружка и миска с дымящейся кашей. Дым от горевшего рядом костра временами накрывал сидевших и отгонял комаров.

Первым слово взял начальник отряда Павел Стрельников:

— Наконец мы воссоединились, все мужики в полном составе пришли на базу, — начал он уверенно, как всегда говорил с подчиненными. — Волнения и переживания, можно считать, позади. А поволноваться нам пришлось изрядно: сами были на взводе, да еще напрягало экспедиционное начальство. Шеф уже собрался на поиски. Можно сказать, вертолет стоял с раскручивающимися винтами. Но, слава Богу, обошлось. Сегодня на вечерней связи Николай Петрович сказал, что идет сдавать билет, но обязательно прилетит на «Оборонный». Так что придется нам туда еще вернуться.

По команде Стрельникова все наполнили кружки и потянулись за закуской.

— Поднимем бокалы за наших перегонщиков — настоящих мужчин, прошедших с лошадьми по тайге не одну сотню километров, и пожелаем им побыстрее отойти после тяжелого перехода и включиться в работу, — чокнулся он с Дубовиком и всеми геологами.

— Пока вы гнали лошадей, у нас накопилась куча разной корреспонденции. А кому-то прилетели даже письма с родины. Как я понимаю, от безразличных к ним людей.

Покопавшись в пухлом рюкзаке, Стрельников вытащил стопку разных журналов и два почтовых конверта.

— Нашему заслуженному лошадику, уважаемому Александру Федоровичу Дубовику, жена передала посылку и вот это письмо! — Стрельников помахал конвертом над головой. — Заморские фрукты и скоропортящиеся продукты пришлось употребить в пищу, а пузырек и ваш любимый шоколад мы сохранили до встречи. А вот это письмо пришло нашему молодому коллеге, почетному перегонщику и кандидату в доктора наук Антону Викторовичу Демину, — навеличивая Антона, загадочно улыбнулся Стрельников. — Принесла его неизвестная молодая дама прямо к вертолету. К сожалению, она не представилась, и на письме нет обратного адреса, но я думаю, оно пришло из Селеняха. Когда мы загружались, рядом с нашей вертолетной площадкой сел Ан-2, как раз прилетевший отсюда. Все пассажиры потянулись к зданию аэровокзала, а одна женщина с медицинским чемоданчиком бросилась прямо к нам. Только я подумал, что эта красавица делает в этой дыре, как она подошла и спрашивает, не из якутской ли мы экспедиции? Я подтвердил. Она сразу заговорила о тебе, — кивнул он на Антона. — Ну и попросила передать вот это письмо. И еще что-то на ходу дописала. Напоследок строго наказала мне, чтобы я не потерял письмо. «Смотрите, — говорит, — я проверю: получил ли он это письмо или нет!» Вроде бы просто так одета, а сама ничего из себя: видная девица. Ну ты, Антон, молодец! Время, вижу, зря не теряешь...

Демин взял конверт и, отойдя от костра, стал читать:

«Здравствуй, Антон!

Как только ты уехал, я много думала о нас с тобой, и вот после встречи с коневодами, когда летала к ним санрейсом на вертолете, села за это письмо. Взялась его писать, хотя знаю, что раньше осени ты письмо не получишь. Ты можешь спросить, а зачем же я его пишу? Пишу я его потому, что не могу с тобой не поделиться своими мыслями. Я будто проснулась от долгой спячки, снова захотела жить, захотела, чтобы меня любили и любила я сама, захотела, чтобы у меня была своя большая семья...

Мне было с тобой хорошо, потому что ты был рядом, потому что ты разделил мое одиночество и помог мне поверить в себя. А это очень здорово!»

В этом месте письмо обрывалось, было видно, что Татьяна дописывала его позже.

«Теперь мне стало легче, а вначале было страшно. Ты мне чудился везде, тебя так не хватало! Когда ты ушел, мой дом опять опустел. Порой я думала, что все это сон, что тебя никогда не было, но ты был, был! Я знаю. И почему-то я уверена, что мы с тобой встретимся.»

Листок был так покороблен, словно вначале его чем-то намочили, а потом уже просушили. Неужели слезы?..

«Мама прислала письмо из дома, пишет, что Алешка подрос и она хотела бы его оставить у себя, но я против. Как мне одной без него. Завтра я лечу в командировку в Северный получать лекарства для больницы. Приеду — продолжу. А может... Я загадала: если будет так, как я думаю, то у нас все получится.»

P.S.

Антон, береги себя. С лошадьми надо осторожно... Я тебя жду.

До встречи. Целую, Татьяна».

На этом письмо кончалось. Демин перевернул страницу — там было пусто. Он огляделся: ему так хотелось сейчас радостно обнять каждого и кричать на весь лес о своей любви!

«Таня, Татьяна, ты даже не представляешь, как я жду нашей встречи! — взволнованно подумал Антон. — Завтра обязательно дам радиограмму».

После застолья геологи подвинулись ближе к костру, и, взяв гитару, Дубовик негромко запел:

По заросшим тропам нехоженным,
Обуздав полудиких коней,
Мы, подобно мальчишкам восторженным,
Обретаем просторы полей.

Чувствовалось, что в эту песню он вкладывает всю душу. Забыв обо всех проблемах, песню дружно подхватили. Антон сначала бормотал ее под нос, но так как слова ему понравились, невольно стал подтягивать:

Эх, судьба наша — две подковы,
Обращенные в кольцо...
И маршрут у нас каждый раз новый,
Риск немалый, и ветер в лицо.
День за днем по звенящему кругу —
Горы, реки, болота опять...
Улыбнись на прощанье, подруга,
В знак того, что ты будешь ждать.

От этих строчек Антон весь собрался и подтянулся, глаза заблестели. Глядя на парня, начальник отряда заулыбался и дружески похлопал его по плечу, как видно, поняв все, что было сейчас у того на душе:

— А все-таки, Антон Викторович, несмотря на все трудности — мы, геологи, романтики! — улыбнулся Стрельников. — И особой, брат, закваски!

